

LE DÉMOCRATE - SOCIALISTE .

Revue trimestrielle

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕГДѢ СТРАНѢ
СОЕДИНЯЙТЕСЬ !

СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ .
N.º 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРГЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТА“

1890

П 12150.

Russischer Leseverein

93

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.**

**ФЕВРАЛЬ
книга первая.**

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"

1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи , переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ . Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса	41
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ.	108

НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ

Статья вторая

С. КАРОНИНЪ

Прошло уже около десяти—если не десять — лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ произведенія г. С. Каронина стали появляться въ лучшихъ нашихъ журналахъ. Его имя хорошо извѣстно читающей публикѣ. Но говорятъ о немъ мало, какъ въ публикѣ, такъ и въ литературѣ. Его читаютъ, но рѣдко перечитываютъ. Это плохой признакъ. Это показываетъ, что г. С. Каронинъ по той или другой причинѣ не умѣлъ затронуть за живое своихъ читателей. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ той сравнительно немногочисленной публикѣ, которая не забываетъ объ его разсказахъ тотчасъ по ихъ прочтеніи, существуютъ самыя различныя взгляды на его дарованіе. Одни признаютъ въ немъ талантъ, и даже талантъ не дюжинный. Другіе утверждаютъ, что у него есть только слабое подобіе таланта, дальнѣйшему развитію котораго мѣшаетъ будто-бы ложная, искусственная манера автора. Это уже хорошій признакъ. Онъ наводитъ на мысль о томъ, что г. Каронинъ обладаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою оригинальностью. Люди, лишеныя оригинальности, обыкновенно угождаютъ всѣмъ безразлично или всѣми безразлично осуждаются. Посмотримъ же, не обманывается ли насъ этотъ признакъ, и точно ли г. Каронинъ можетъ назваться оригинальнымъ писателемъ.

Г. Каронинъ принадлежитъ къ народническому лагерю нашей литературы. Въ его очеркахъ и разсказахъ главное мѣсто отводится крестьянской жизни. Онъ смотритъ на эту жизнь съ народнической точки зрѣнія, и готовъ, при случаѣ, восторгаться „стройностью“ крестьянскаго міросозерцанія. Онъ и восторгается ею въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Но такія произведенія стоятъ одиноко. Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ г. Каронинъ описываетъ нѣчто совсѣмъ противоположное стройности названнаго міросозерцанія, а именно, ту путанницу, тотъ хаосъ, которые вносятся въ него новыми условіями деревенской жизни. „Воздухъ, небо и земля остались въ деревнѣ тѣже, какими были сотни лѣтъ назадъ, — говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ „Деревенскіе нервы“. И также росла на улицѣ трава, но огородамъ полынъ, по полямъ хлѣба, какіе только производила

деревни, проливая потъ на землю. Время ничего не измѣнило въ природѣ, окружающей съ испоконъ вѣковъ деревню. Все по старому. Только люди, видимо, уже не тѣ; измѣнились ихъ отношенія другъ къ другу и къ окружающимъ — воздуху, солнцу, землѣ. Не прошло мѣсяца, чтобы жители не были взволнованы какой нибудь перемѣной, или какимъ нибудь событіемъ, совершенно идущимъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что помнили древнѣйшіе старики въ деревнѣ. „Не бывало этого“, „старики не помнятъ!“ говорили чуть не каждомѣсячно про такое происшествіе. Да и нельзя помнить того, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было“. „Это появленіе въ деревнѣ „того, чего никогда не было“, какъ въ зеркалѣ отражается въ очеркахъ п разсказахъ г. Каронина. Они представляютъ собою настоящую лѣтопись историческаго процесса перерожденія русскаго крестьянства. Огромное значеніе этого процесса понятно само собою. Отъ него зависитъ весь дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія, потому что подъ его вліяніемъ измѣняются всѣ основы нашего общественнаго зданія, все частичное строеніе нашего общественнаго тѣла. Оригинальность г. Каронина въ томъ и заключается, что онъ, не смотря на всѣ свои народническіи пристрастія и предрасудки, взялся за изображеніе именно тѣхъ сторонъ нашей народной жизни, отъ столкновенія съ которыми разлетятся и уже разлетаются въ прахъ всѣ „идеалы“ народниковъ. Онъ долженъ былъ обладать сильно развитымъ художественнымъ инстинктомъ, долженъ былъ очень внимательно прислушиваться къ требованіямъ художественной правды, для того чтобы, не смущаясь собственной непоследовательностью, опровергать въ качествѣ беллетриста все то, что самъ же онъ, навѣрное, горячо защищалъ бы на почвѣ публицистики. Если бы г. Каронинъ менѣе заботился о художественной правдѣ, то онъ давно уже могъ бы пожать, конечно, очень дешевые, но за то очень многочисленные лавры, предаваясь какимъ нибудь кислосладкимъ изображеніямъ исконныхъ, вѣковыхъ добродѣтелей крестьянъ-общинниковъ. Отъ этого много потеряло бы достоинство его сочиненій, но на пѣкоторое время много выиграла бы его литературная репутация. Читатели-народники обратили бы на него благосклонное вниманіе. О немъ стали бы говорить, его стали бы разбирать въ печати, на него стали бы ссылаться.... Известно, что читатель-народникъ не любитъ „искусства для искусства“. На литературу, какъ и на жизнь, онъ смотритъ съ точки зрѣнія знаменитыхъ „устоевъ“, которые онъ считаетъ несокрушимыми и непреоборимыми. Берясь за книгу, онъ прежде всего требуетъ, чтобы она изобразила ему церемониальное шествіе „устоевъ“. Если онъ не находитъ въ ней искомаго, онъ оставляетъ ее безъ вниманія. Газетныя пзвѣстія, статистическія данныя, доводы экономистовъ и указанія историковъ принимаются имъ къ свѣдѣнію лишь въ той мѣрѣ, въ какой они подтверждаютъ излюбленное ученіе. Вотъ поразительный примѣръ. Нигдѣ, за исключеніемъ Германіи, не читаютъ Маркса больше, чѣмъ въ Россіи. А между тѣмъ въ Россіи его хуже всего понимаютъ. Отчего это происходитъ? Оттого что и Маркса мы цѣнимъ лишь съ точки зрѣнія „устоевъ“, а такъ какъ цѣнить его съ этой точки зрѣнія значить ничего въ немъ не видѣть, то ре-

зультатъ понятенъ. Совершенно также относится читатель-народникъ и къ беллетристикѣ, по крайней мѣрѣ къ той, которая изображаетъ народную жизнь. Онъ твердо убѣжденъ, что такая беллетристика должна дать ему лишній случай поблагодарить исторію за счастливую самобытность русскаго народа. Сочиненія же, не оправдывающія такого довѣрія, оставляются имъ безъ вниманія. Этимъ въ значительной степени объясняется равнодушіе нашихъ народниковъ къ произведеніямъ г. Каронина.

Правда, сочиненія другихъ беллетристовъ-народниковъ также не всегда подходятъ подъ указанную мѣрку. Въ нихъ также рисуется довольно яркая картина разложенія „устоевъ“. Но все дѣло въ степени. — Не подлежитъ сомнѣнію, что никто не заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, никто не возвращался къ этому предмету такъ настойчиво и такъ часто, какъ г. Каронинъ. А это много значитъ въ глазахъ нашей демократической „интеллигенціи“, изъ которой состоитъ главный контингентъ читателей народнической беллетристики. Мы помнимъ, какъ вознегодовали на г. Успенскаго народники во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда его очерки деревенской жизни пошли было слишкомъ въ разрѣзъ съ общимъ народническимъ настроеніемъ. Литературная репутація г. Успенскаго къ тому времени совершенно установилась, игнорировать его огромный талантъ не было никакой возможности. Но мы все таки увѣрены, что если бы не поправила дѣла знаменитая „власть земля“, то произведенія г. Успенскаго читались бы теперь далеко не съ тѣмъ интересомъ, съ какимъ они читаются. При томъ же г. Успенскій, подобно большинству своихъ товарищей по перу и по направленію, настолько же публицистъ, насколько и беллетристъ. Онъ не только изображаетъ, — онъ и разсуждаетъ по поводу изображаемаго, и своими публицистическими разсужденіями онъ заглаживаетъ впечатлѣніе, производимое его беллетристическими изображеніями. Г. Каронинъ не имѣетъ этой привычки. Онъ предоставляетъ разсуждать самимъ читателямъ. Въ его сочиненіяхъ публицистъ не спѣшитъ на помощь беллетристу и поучительной надписью не возбуждаетъ вниманія зрителей къ картинѣ, содержаніе которой оставляетъ ихъ безучастными.

Г. Каронина могъ бы выручить только огромный талантъ. Огромный талантъ заставляетъ внимать себѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ на переборъ всѣмъ установившимся привычкамъ и всѣмъ самымъ дорогимъ взглядамъ публики. Но такого таланта у г. Каронина нѣтъ. Объемъ его дарованія не великъ. Его навѣрное не хватило бы на *большое, законченное* произведеніе. Дальше повѣсти г. Каронинъ не пойдетъ, а если пойдетъ, то самъ впоследствии пожалѣетъ объ этомъ. Даже съ повѣстью онъ не всегда справляется, въ особенности, когда даетъ въ ней ходъ своимъ народническимъ пристрастіямъ, какъ онъ сдѣлалъ въ повѣсти „Мой міръ“. Его область — небольшіе очерки и разказы, и притомъ очерки и разказы изъ народнаго быта. Произведенія, не затрогивающія этого быта, — каковы, напримѣръ: „Бебе“, „Грязевъ“, „Бабочкинъ“, — не дурны, а нѣкоторыя даже и положительно хороши, но и только. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Наоборотъ, большинство его разказовъ изъ народной жизни

отличается, какъ мы уже сказали, именно оригинальностью. Вообще въ этой области у г. Каронина есть все, что нужно, для того чтобы занять весьма почетное мѣсто въ современной русской беллетристикѣ. Серьезная критика всегда отдастъ должное г. Каронину: у него есть умъ, наблюдательность, здоровый, увѣсистый юморъ, теплое, сердечное отношеніе къ изображаемой средѣ и замѣчательное умѣнье хорошо обрисовать ея наиболѣе выдающіяся стороны. Правда, намъ приходилось иногда слышать обвиненія г. Каронина въ томъ, что сдѣланныя имъ изображенія будто бы совсѣмъ не вѣрны дѣйствительности. Въ особенности много нападали на г. Каронина за его повѣсть „Снизу Вверхъ“. Многіе читатели до сихъ поръ пресерьезно убѣждены, что такіе рабочіе, какъ Оомичъ или Михайло Лунниъ (дѣйствующія лица названной повѣсти) представляютъ собою не болѣе какъ продуктъ необузданной и тенденціозной фантазіи автора. Существованіе подобныхъ рабочихъ въ современной нашей дѣйствительной жизни кажется такимъ читателямъ совершенно невозможнымъ. Прислушиваясь къ ихъ нападкамъ, человѣкъ, незнакомый съ бытомъ нашихъ заводскихъ рабочихъ крупныхъ городскихъ центровъ, могъ бы, пожалуй, подумать, что въ лицѣ г. Каронина народническая беллетристика входитъ въ новый, такъ сказать романтической періодъ своего развитія, и что названный авторъ съ такою же безцеремонностью превращаетъ русскихъ рабочихъ въ парижскихъ ouvriers съ какою Марлинскій превращалъ когда-то нашихъ офицеровъ въ героев мелодрамы. Но если вы спросите, на чемъ же собственно основываются эти обвиненія, то не получите и тѣни удовлетворительнаго отвѣта. Тогда, навѣрное, окажется, что обвинители совсѣмъ не знаютъ среды, о которой идетъ рѣчь въ повѣсти „Снизу Вверхъ“, и уже по одному этому не могутъ быть компетентными критиками этой повѣсти. „Не бывало этого!“, „старики не помнятъ!“ — вотъ къ чему, въ сущности сводятся всѣ доводы обвинителей. Эти добрые люди и не подозрѣваютъ, что авторитетные въ ихъ глазахъ „старики“ вообще очень много „не помнятъ“, такъ какъ закрывавшая ихъ глаза повязка предвзятыхъ мнѣній мѣшала имъ видѣть окружающую ихъ дѣйствительность.

Просимъ замѣтить, что мы вовсе не намѣрены выдавать очерки и рассказы г. Каронина за образцовыя художественныя произведенія. До этого имъ далеко, какъ, впрочемъ, далеко произведеніямъ всѣхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ. Во всѣхъ произведеніяхъ этого направленія эстетическая критика можетъ указать множество недостатковъ. Всѣ они немножко угловаты, немножко неприбраны, немножко растрепаны, немножко непричесаны. Этихъ общихъ недостатковъ совсѣмъ не чужды и рассказы г. Каронина. Уважемъ хоть на языкъ. По словамъ нашего автора одинъ изъ героев (именно Оомичъ) „загибалъ“ иногда въ разговорѣ такую, „корягу“, что послѣ и самому стыдно становилось. Совершенно такія же „коряги“ случаются „загибать“ и г. Каронину, и если самъ онъ мало смущается эдакими оказіями, то онъ, тѣмъ не менѣе, вполне способенъ привести въ конфузію нную пріятную во всѣхъ отношеніяхъ читательницу. На этотъ счетъ нечего грѣха таить: языкъ у г. Каронина самый разночинскій.

И совсѣмъ тѣмъ, посмотрите, какъ много мѣстами выразительности въ этомъ грубоватомъ разночинскомъ языкѣ, въ которомъ образность соединяется съ совершенно непринужденнымъ лаконизмомъ. Временами одно выражаніе, одинъ глаголъ — напримѣръ, „поползла жизнь“, или : „тогда онъ даже очень удачно *колотился*“ — замѣняютъ цѣлую характеристику. Неужели это не достоинство? И неужели въ виду такого достоинства нельзя забыть о „корягахъ“?

Наконецъ, повторяемъ, главное достоинство очерковъ и рассказовъ г. Каровина заключается въ томъ, что въ нихъ отразился важнѣйшій изъ нашихъ современныхъ общественныхъ процессовъ: разложеніе старыхъ деревенскихъ порядковъ, исчезновеніе крестьянской непосредственности, выходъ народа изъ дѣтскаго періода его развитія, появленіе у него новыхъ чувствъ, новыхъ взглядовъ на вещи и новыхъ умственныхъ потребностей. Дужинный поставщикъ беллетристическихъ издѣлій никогда не напалъ бы на столь благодарную тему.

II

Если читатель желаетъ поближе ознакомиться съ указаннымъ процессомъ, то мы приглашаемъ его припомнить, вмѣстѣ съ нами, содержаніе нѣкоторыхъ изъ произведеній г. Каровина. Такъ какъ время появленія ихъ въ печати не имѣетъ для насъ никакого значенія, то мы можемъ не стѣсняться хронологіей.

Начнемъ съ рассказа „Послѣдній приходъ Демы“.

Деревенскій сходъ. Всѣ присутствующіе на немъ обыватели села Парашкина находятся въ страшномъ волненіи. Они спорятъ, кричатъ, ругаются. Вслушиваясь въ ихъ сбивчивыя, безсвязныя рѣчи нельзя даже и представить себѣ, что взгляды этихъ людей могли когда-то поражать господъ народниковъ своей „стройностью“. Впрочемъ, дѣло объясняется очень просто. Парашкинцы растерялись. Въ ихъ деревнѣ все чаще и чаще начинаютъ происходить странныя вещи. Нежданно-негаданно то одивъ, то другой общинникъ, являясь на сходку, рѣшительно заявляетъ, что не хочетъ больше заниматься земледѣліемъ и проситъ снять съ него „души“. Его стыдятъ, бранятъ, увѣщываютъ; но онъ упрямо стоитъ на своемъ, и парашкинцамъ, въ концѣ концовъ, приходится сдаться. Уже много было подобныхъ случаевъ въ деревнѣ Парашкинѣ. „Петръ Безпаловъ — разъ? Потаповъ — два? Климы Дальній — три? высчитываютъ парашкинцы. Кто еще? А Кпрюшка-то Савинъ.... четыре? Семенъ Бѣлый.... это который? пять? Семенъ черный — шесть... ихъ не перечестъ.... Ахъ вы голоштанники... Кочевые народы!“ Какъ тутъ не волноваться парашкинцамъ? Вопросъ о кочевыхъ народахъ принимаетъ въ ихъ глазахъ видъ совершенно неразрѣшимой финансовой задачи. „Я хозяйство брошу, другой броситъ, третій, — гремятъ деревенскіе ораторы — бѣ-

жягъ всѣ, ищи насъ, свищи, ктожъ останется-то?... *Кто будетъ платить*, ежели мы всѣ въ бѣга? а? кто?!“ Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь въ разсказѣ, этимъ роковымъ вопросомъ старались привести въ разсудокъ крестьянина Дему, рѣшившаго перейти въ „кочевое“ состояніе. Какъ ни смиренъ былъ Дема, но и онъ остался непоколебимъ, подобно своимъ предшественникамъ. Парашкинцамъ волей-неволей пришлось еще разъ уступить и помириться съ мыслью о томъ, что въ его лицѣ община теряетъ еще одного члена. Съ тяжелымъ сердцемъ разошлись они по домамъ. „Бывали-ли прежде подобные случаи? Слыхано-ли было когда нибудь, чтобы парашкинцы только и думали, какъ бы наплевать другъ на друга и разбѣжаться въ разныя стороны? — спрашиваетъ авторъ. Не бывало этого и парашкинцы объ этомъ не слышали — отвѣчаетъ онъ. Прежде ихъ гнали съ насиженнаго мѣста, а они возвращались назадъ; ихъ столкнуть, а глядишь — они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили! Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжитъ, не думая возвращаться; онъ радъ, что выбра~~сь~~ по добру, по здорову. Онъ часто уходитъ за тѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ; ему нуженъ какой нибудь выходъ, хоть въ родъ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающей рыбы“. Въ немногихъ словахъ разсказанная авторомъ исторія Демы прекрасно показываетъ, какимъ образомъ возникаетъ, зрѣетъ и, наконецъ, становится непреодолимымъ это стремленіе земледѣльца уйти изъ-подъ власти земли, на которой сотни лѣтъ жили его предки, даже не помышляя о томъ, что для людей ихъ званія возможенъ какой нибудь другой родъ жизни. Было время, когда Дема безотлучно жилъ въ деревнѣ и вообще употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы оставаться „настоящимъ“ крестьяниномъ. Но эти усилія были напрасны. Экономическое положеніе парашкинцевъ было вообще очень шатко. При отменѣ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, въ эпоху замѣны крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ таковою же зависимостью по отношенію къ государству, имъ отрѣзали въ надѣль „болотца“. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ парашкинцамъ рѣчь могла бы идти уже не о „власти земли“, а развѣ лишь о власти *болотцевъ*, съ которой неразрывно была связана власть полицейскаго начальства. Власть „болотцевъ“ не можетъ быть прочной. Въ добавокъ, награжденные болотцами парашкинцы обременены были не съ чѣмъ несообразными податными тягостями. При такомъ положеніи дѣлъ достаточно было нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, падежа скота, или чего нибудь подобнаго, чтобы окончательно выбить ихъ изъ равновѣсія. Разумѣется, подобнаго рода напасти — повидному случайныя, но въ сущности вызываемыя хозяйственной несостоятельностью крестьянъ — не заставляли себя долго ждать въ Парашкинѣ. Тогда парашкинцы стали покидать деревню. „Бѣжали и кучками и въ одиночку“. вмѣстѣ съ другими бѣжалъ и Дема. Иногда онъ возвращался домой, но нужда тотчасъ же снова гнала его вонъ, на заработки. Вообще связь его съ деревней стала, какъ выражается авторъ, двусмысленной. „Первое время, послѣ ухода изъ деревни, Дема употреблялъ на то, чтобы наѣсться. Онъ былъ прожорливъ, потому что

очень отощалъ у себя дома. Тѣ же деньги, которыя оставались у него съ расходовъ на прокормленіе, онъ пропивалъ... Дема сперва очень былъ доволенъ жизнью, которую онъ велъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Удивительна, конечно, свобода, состоящая въ возможности переходить съ мѣста на мѣсто по годовому паспорту, но по крайней мѣрѣ ему не зачѣмъ было нить съ утра до ночи, какъ это онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Пища его тоже улучшилась, т. е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого". Тѣмъ не менѣе, временами на него нападала невыносимая тоска по деревнѣ. У него являлось страстное желаніе побывать тамъ. „Но лишь только Дема показывался въ деревню, его сразу обдавало холодомъ. Черезъ нѣкоторое время... онъ видѣлъ, что дѣлать ему здѣсь нечего и оставаться нельзя. Такимъ образомъ, пожелавъ вернуться дома съ мѣсяцъ, онъ уходилъ снова бродяжить. Съ теченіемъ времени его появленія въ деревнѣ дѣлались все рѣже и рѣже. Его уже не влекло сюда съ такою силой, какъ прежде, въ началѣ его кочевой жизни...“ А потомъ, пришло такое время, когда деревня опостылѣла Демѣ. „Являясь туда, онъ не зналъ какъ убраться назадъ; но приходѣ домой онъ не находилъ себѣ мѣста. На него разомъ наваливалось все, отъ чего онъ бѣжалъ; мигомъ онъ погружался въ обстановку, въ которой онъ раньше задыхался. Какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходилъ къ заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности....

Внѣ деревни Дему, по крайней мѣрѣ, никто не смѣлъ тронуть, и то мѣсто, гдѣ ему было не подъ силу и гдѣ ему не нравилось, онъ могъ оставить; а изъ деревни нельзя было уйти во всякое время... Но важнѣе всего: внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унижительныхъ оскорбленій. Страдало человѣческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней, и деревня для Демы, въ его представленіяхъ, стала мѣстомъ мученія. Онъ бессознательно началъ питать къ ней недоброе чувство. И чувство это росло и крѣпло.“ Демѣ оставалось только развязаться какъ нибудь съ надѣломъ, чтобы связь его съ деревней порвалась, наконецъ, навсегда. Хотя онъ и продолжалъ еще числиться общинникомъ, но крестьянникомъ его можно было бы назвать развѣ только въ смыслѣ *сословія*. Смѣшно было бы заниматься о „стройности“ его земледѣльческихъ „идеаловъ“. Такихъ идеаловъ у него уже совсѣмъ не имѣлось. „Въ немъ произошло полное разрушеніе старыхъ понятій и желаній, съ которыми онъ жилъ въ деревнѣ“.

И однако такъ велика сила привычки, что когда Дема явился въ послѣдній разъ домой, у него зашевелилось сожалѣніе о своемъ старомъ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ. „Разъ ты ушелъ, хозяйство забросилъ и ужъ ты не вернешься“ грустно говорилъ онъ, сидя въ компаніи такихъ же какъ онъ „кочевыхъ народовъ“, собиравшихся на другой день уходить на заработки. Такое же чувство испытывали и всѣ его собесѣдники. Но всѣ они понимали, что судьба ихъ рѣшена безповоротно, и потому только сердились на Дему за его бесполезныя со-

жалѣнія „И не надо“ угрюмо возразилъ Потаповъ въ отвѣтъ на ту мысль Демы, что „ужь обратно пути тебѣ нѣту“.

— Какъ не надо! Домой-то! уливился Дема.

— Такъ и не надо. Будеть! меня арканомъ сюда не затащишь, больно ужь не способно.

— Ну все же домишка-то жалко, ежели онъ еще разваливается, замѣтилъ Петръ Безпаловъ.

— И пущай его разваливается. Сытости въ немъ нѣтъ, потому что онъ гнилой! съострилъ Климъ Дальній, но ему никто не сочувствовалъ.

— Про то-то я и говорю: ушелъ ты и хозяйство прахомъ, наставлялъ Дема, въ головѣ котораго, повидимому, безотлучно сидѣла мысль о конечномъ его раззореніи.

— Кто же этого не знаетъ? съ неудовольствіемъ заговорилъ Кирюшка Савинъ, взмучившійся тоскливымъ однообразіемъ разговора. — И что ты наладилъ:— ушелъ, ушелъ! Словно безъ тебя не знаемъ! Тоска одна!“

Неожиданная смерть давно уже, впрочемъ, „лежавшей пластомъ“ жены Демы замедлила его уходъ лишь на то короткое время, которое потребовалось для похоронъ. На другой же день послѣ погребенія, рано утромъ, „кочевые народы“ двинулись въ пугь. „Приходи повидаться-то“, сдержанно выговорила старуха-мать Демы, старавшаяся не выказать своего волненія. — А можетъ и не свидимся, задумчиво отвѣчалъ онъ ...

За Демой послѣдовали другіе. Разложеніе парашвинской общины быстро подвигалось впередъ. Неумолимая сила экономической необходимости гнала крестьянина отъ земли, обращая въ ничто всѣ его земледѣльческія привязанности. Вотъ передъ нами веселый крестьянинъ Минай Осиповъ („Фантастическіе замыслы Миная“). Это величайшій фантазеръ въ мірѣ, своего рода Донъ-Кихоть земледѣлія. „Оглушить“ его, какъ выражается авторъ, т. е. показать ему во очію всю безнадежность его хозяйственнаго положенія, было очень трудно. „Онъ какъ будто въ крови отъ прародителей получилъ привычку глядѣть легкомысленно“. Хлѣба у него никогда не хватаетъ до новой жатвы, такъ какъ полученныя имъ въ падѣль „болотца“ отказываются вознаграждать его трудъ. Скота у него мало, изба совсѣмъ разваливается. Но парашвинскій Донъ-Кихоть не унываетъ. Онъ тѣшитя своими „фантастическими замыслами“ относительно будущаго. „Пріѣдетъ онъ съ зимняго извоза, раздѣнется, разуется, ляжетъ на палаты и начинаетъ фантазировать. Придумываетъ онъ тутъ разныя измышленія, высчитываетъ безчисленные счастливые случаи и самъ восхищается своими созданіями... Фантазія его ни передъ чѣмъ не останавливается... Въ концѣ концовъ, всегда оказывается, что хлѣба достанетъ и подати будутъ уплочены“. Чудеса, на которыя рассчитывалъ Минай въ дѣлѣ поправки своего хозяйства, были двоякаго рода. Одни относились къ области явленій природы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и пріурочивались, главнымъ образомъ, къ хорошему урожаю, которымъ, по его соображеніямъ, должны были отплатить за его труды „болотца“. Другія — стояли въ тѣсной связи съ его взглядами на царя, какъ на защитника крестьянскихъ интересовъ, который долженъ же понять, наконецъ, что на скудной доходности болотцевъ не могутъ основываться никакія платежныя силы. Минай меч-

талъ то о „черной банкѣ“, которая позволтъ всякому крестьянину прикупить земли сколько его души угодно, то объ еще болѣе отрадномъ событіи, о знаменитомъ черномъ передѣлѣ, который онъ называлъ „придѣломъ“. Ему, изволите-ли видѣть, сказывалъ на базарѣ знакомый мужикъ Захарь, что „придѣлъ скоро будетъ, ужъ это говоритъ вѣрно... безиремѣнно, говорятъ“. И Минай не только терпѣливо, но даже какъ-то радостно съ шутками и прибаутками, несъ выпавшій ему на долю крестъ русскаго земледѣльца. Онъ любилъ свой домъ, свою общину и готовъ былъ до конца постоять за первое встрѣтившееся мѣрское, „анчественное дѣло“. Но печальная дѣйствительность все таки не рѣдко брала верхъ надъ его фантазіями. Это случалось съ нимъ чаще всего подъ пьяную руку. „Слышь, Дунька, кричалъ онъ, возвращаясь домой изъ кабака. Слышь Дунька, а хлѣба то у насъ не будетъ... ни въ единомъ разѣ... ни въ единственномъ... не будетъ и не будетъ! Хлѣба - то, не-е-будетъ!“ Минай принимался плакать, а жена его, Федосья, старалась поскорѣе уложить его спать.

Такое мрачное настроеніе исчезало, правда, вмѣстѣ съ виновными парами, но исчезало, какъ видно, не безслѣдно. Время отъ времени Минаю приходили мысли, очень плохо вязавшіяся съ его ролью общинника. Его смущалъ кулакъ Епифанъ Ивановъ или, по просту, Епишка. Этотъ паразитъ нѣкогда былъ самымъ жалкимъ оборванцемъ и торговалъ на городскомъ базарѣ гнилой рыбой. Потомъ ему удалось попасть въ Парашкино, гдѣ онъ открылъ питейное заведеніе и по-немногу разжился. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь въ очеркѣ г. Каронина, онъ уже совершенно забралъ парашкинцевъ въ свои руки. Его-то примѣръ и заставлялъ Миная задумываться. „Минай часто надолго забывалъ Епишку; но когда ему приходилось жутко, онъ вспоминалъ его. Епишка самъ лѣзъ къ нему, мелькалъ передъ глазами, расшибалъ всѣ старыя его представленія и направлялъ мечты его въ другую сторону. Главное, Епишка во всемъ успѣвалъ; не потому-ли онъ успѣвалъ, что никакого „опчисва“ у него нѣтъ?“ На этомъ роковомъ для общинныхъ „идеаловъ“ объясненіи онъ невольно останавливался все чаще и чаще. „Епишка ни съ чѣмъ не связанъ, Епишка никуда не прикрѣплень; Епишка можетъ всюду болтаться... Были бы только деньги, а въ остальномъ прочемъ ему все триньтрава... Минай неминуемо приходилъ къ выводу, что для полученія удачи необходимы слѣдующія условія: не имѣть ни сродственникововъ ни знакомыхъ, ни „опчисва“ — жить самому по себѣ. Быть отъ всего оторваннымъ и болтаться гдѣ хочешь... Для Миная Епишка былъ фактъ, которымъ онъ поражался до глубины души. Сдѣлавъ свой доморощенный выводъ изъ факта, онъ принялся размышлять дальше“. Иногда ему приходило на мысль бѣгствомъ разорвать связывавшія его „анчественныя“ путы. „Опчисво“ казалось ему врагомъ, отъ котораго надо удрать, какъ можно скорѣе. Но и удрать не легко было бѣдному фантазеру. Не легко — по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Епишка былъ не только свободнымъ отъ общественной тяготы человѣкомъ, но еще и челоукомъ съ деньгами, а именно денегъ-то и не было у нашего героя. Кромѣ того, Минай прекрасно зналъ, что

„опчисво“ не такъ-то легко отпускаетъ своихъ членовъ на всѣ четыре стороны. И на какомъ бы мѣстѣ ни садился Минай въ своемъ воображеніи, передъ нимъ всегда мелькаетъ такая картина: — Минай Осиповъ здѣсь? — Я Минай Осиповъ. — Ложись... Это представление преслѣдовало его, какъ тѣнь. Куда бы онъ ни залегалъ въ своихъ фантастическихъ поѣздкахъ, но, въ концѣ концовъ, онъ соглашался, что его найдутъ, привезутъ и разложатъ“. Одного этого обстоятельства, такъ много говорящаго въ пользу несокрушимости „устоевъ“, достаточно было, чтобы замедлить полетъ фантазіи Миная. Наконецъ, давала себя чувствовать также и сильно укоренившаяся привычка къ обществу. „Минай только на минуту забывалъ его. Когда же онъ долго останавливался на какой нибудь картинѣ одиночной „жисти“, его вдругъ охватывала тоска. Какъ же это такъ можно? съ изумленіемъ спрашивалъ онъ себя. — Стало быть я волкъ? И окромя, стало быть, берлоги, мнѣ ужъ некуда будетъ сунуть носа?! У него не будетъ тогда ни завалинки, на которой онъ по праздникамъ шутки шутитъ и разговоры разговариваетъ со всѣми парашкинцами, ни схода, на которомъ онъ пламенно оретъ и бушуетъ, ничего ~~у~~ будетъ! „Волкъ и есть“ оканчивалъ свои размышленія Минай. Тоска, понятная только ему одному, охватывала его такъ сильно, что онъ яростно плевалъ на Епишку и уже больше не думалъ подражать ему“.

Когда люди держатся за данныя общественныя отношенія лишь въ силу старой привычки, между тѣмъ какъ дѣйствительность идетъ въ разрѣзъ съ ихъ привычкой, то можно съ увѣренностью сказать, что отношенія эти близятся къ концу. Тѣмъ или другимъ образомъ они будутъ замѣнены *новымъ* общественнымъ порядкомъ, на почвѣ котораго возникнутъ *новыя* привычки. Хотя нашъ Донъ-Кихотъ съ ужасомъ думалъ о разрывѣ съ общиной, но, тѣмъ не менѣе, связь его съ нею была уже окончательно подорвана. Подъ нею не было никакой реальной основы. „Это только временная узда — говоритъ г. Каронинъ. Прійдетъ время, когда парашкинское общество растаетъ, потому что Епишка не даромъ пришелъ... Онъ знаменуетъ собой пришествіе другого Епишки, множества Епишекъ, которые загадятъ парашкинское общество“.

Впрочемъ Минаю пришлось покинуть деревню, не дожидаясь пришествія „множества Епишекъ“. Онъ „утекъ“ въ городъ, когда у него вышелъ послѣдній, взятый въ долгъ, мѣшокъ муки и когда занимать было уже негдѣ, потому что онъ и безъ того задолжалъ всѣмъ и каждому. Чтобы обезопасить себя отъ всякихъ преслѣдованій со стороны парашкинскаго „опчества“, которое могло бы черезъ посредство администраціи поймать, привести и „разложить“ его въ волостномъ правленіи. Минай долженъ былъ вступить въ таинственные переговоры съ писаремъ Семенычемъ, выдавшимъ ему годовой паспортъ. Община, уже неспособная поддерживать благосостояніе своихъ членовъ, могла еще сильно вредить попыткамъ ихъ устроиться на новомъ мѣстѣ.

Въ письмахъ къ женѣ Минай фантазировалъ по прежнему. Онъ увѣрялъ ее, что скоро заработаетъ большія деньги и что тогда они купятъ новую избу и станутъ „жить семейственно съ дѣтками“. Но

авторъ не говорить, сбылись-ли эти новые „фантастическіе замыслы“, его героя.

III

Вѣрнѣ всего, что не сбылись, потому что парашкинское общество совсѣмъ исчезло съ лица земли. Исторія его исчезновенія изложена въ рассказѣ „*Какъ и куда они переселились*“. Невозможно передать то невыносимо-тяжелое впечатлѣніе, какое производитъ этотъ рассказъ г. Каронина. Краски такъ черны, что читатель невольно спрашиваетъ себя, — неужели здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія? Къ несчастью, преувеличенія нѣтъ, и мы увидимъ, что авторъ ни на шагъ не отступилъ отъ печальной русской дѣйствительности.

Когда мы перечитывали этотъ рассказъ, намъ припомнились слова Шиллера: *Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst*. Увы, къ намъ непримѣнны эти слова! Печальна наша общественная жизнь и во все не весело искусство, служащее ея отраженіемъ.

Но вернемся къ нашему предмету. Парашкинское „опчисво“ находилось при послѣднемъ издыханіи. Въ несчастной деревнѣ водворилась мерзость заустѣнія. „Прежде деревня тинулась въ два ряда вдоль рѣки — читаемъ мы въ рассказѣ — а теперь остались отъ улицы одни только слѣды. На мѣстѣ большинства избъ виднѣлось пустое пространство, заваленное навозомъ, щепками и мусоромъ и поросшее травой. Кое-гдѣ, вмѣсто избъ, просто ямы. Нѣсколько десятковъ избъ — вотъ все, что осталось отъ прежней деревни... Поля вокругъ деревни уже не засѣвались сплошь, какъ прежде; во многихъ мѣстахъ желтѣли большія заброшенныя плѣшины; тамъ и сямъ земля покрылась верескомъ“, скотъ отощаль и „едва волочилъ ноги, паршивый, худой, съ ребрами наружу и съ обостренными спицами“.

Бѣдные парашкинскіе обыватели прониклись какимъ-то страннымъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Они, когда-то съ тревогой и недоумѣніемъ задававшіе себѣ вопросъ, — „кто же будетъ платить, если мы всѣ разбѣжимся?“ теперь забыли и думать объ этомъ вопросѣ, хотя онъ не только остался неразрѣшеннымъ, но дѣлался все болѣе и болѣе неразрѣшимымъ, по мѣрѣ того, какъ суживался кругъ плательщиковъ. На нихъ накопились неоплатныя недоимки, кулакъ Епишка кругомъ запуталъ ихъ въ свои сѣти, у нихъ не было ни хлѣба, ни другихъ запасовъ, и все это не могло пробить коры овладѣвшаго ими равнодушія. „Они перестали понимать себя и свои нужды, вообще потеряли смыслъ. Существованіе ихъ за это время было просто сказочное. Они и сами не сумѣли бы объяснить скольконибудь понятно, чѣмъ они жили“. Иногда имъ подвергивались случайныя заработки, иногда они ухитрялись находить новыя питательныя вещества въ родѣ отрубей, которыми они раздобылись у мельника Якова, или клевера, который получали отъ помѣщика Петра Петро-

веча Абдулова. Нѣсколько разъ приходила имъ на помощь земская ссуда, но всего этого, разумѣется, было недостаточно. Парашкинцы голодали. Встревоженное слухами объ ихъ безнадежномъ положеніи, губернское земство нарочно прислало гласнаго, который на мѣстѣ долженъ былъ ознакомиться съ ихъ нуждами. Гласный собралъ парашкинцевъ около волостного правленія и хотѣлъ вступить съ ними въ разговоръ. „Парашкинцы, однако, молчали и каждое слово надо было вытягивать изъ ихъ устъ“.

— Всѣ вы собрались? спросилъ прежде всего гласный.

Парашкинцы переглянулись, потоптались на своихъ мѣстахъ, но молчали.

— Только васъ и осталось?

— А то сколько же! грубо отвѣчалъ Иванъ Ивановъ.

— Остальные-то на заработкахъ, что-ли? спросилъ гласный, раздражался.

— Остатніе-то? Эти ужъ не вернутся... нѣтъ! Всѣ мы тутъ.

— Какъ же ваши дѣла? Голодуха?

— Да ужъ надо полагать она самая... Словно какъ бы дѣло выходить на эту точку... стало быть предѣлъ... отвѣчалъ нѣсколько голосовъ вяло и апатично...

— И давно такъ?

На этотъ вопросъ за всѣхъ отвѣчалъ Егоръ Панкратовъ:

— Какъ же не давно? сказалъ онъ. — Съ которыхъ уже это поръ идетъ, а мы все перемогались, все думали, авось пройдетъ, авось Богъ дастъ... Вотъ она слѣнота-то наша какая!

— Что же вы, чудаки, молчали?

— То-то она слѣнота-то и есть! и т. д.

Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго разговора парашкинцевъ съ гласнымъ оказалось, что положеніе ихъ ни мало не измѣнилось бы даже и въ томъ случаѣ, если бы они не молчали. „А что ежели спросить вашу милость — сказали они ему — насчетъ, будемъ прямо говорить, ссуды... Будетъ намъ ссуда, ай нѣтъ?“ — Ничего вамъ не будетъ, мрачно отвѣтилъ онъ и уѣхалъ“.

Его отказъ мало огорчилъ парашкинцевъ. Они уже и не ждали помощи ни откуда. Повидимому, имъ оставалось только „помнрять“, какъ вдругъ крестьянинъ Ершовъ неожиданно заговорилъ о переселеніи на новыя мѣста. По его словамъ, онъ зналъ такія благодатныя мѣста, добравшись до которыхъ парашкиндамъ „помнрять“ не было бы уже никакой надобности. „Перво на перво — лѣсъ гущина такая, что просвѣту нѣтъ... — говорилъ онъ послѣ одной сходки — и земля... сколько душѣ угодно, а наземъ, черноземъ стало быть, косая сажень въ глубину, во какъ!“ Радостно забились отъ этихъ словъ одичавшія сердца парашкинцевъ. Соблазнительная картина тѣхъ мѣстъ, гдѣ „земли сколько душѣ угодно“ сообщила имъ новую энергію, „прежней апатіи и спокойствія не замѣчалось уже ни на одномъ лицѣ“. Ершова окружили со всѣхъ сторонъ и засыпали вопросами.

Главный вопросъ, немедленно возникшій въ головахъ этихъ, будто бы „свободныхъ“ земледѣльцевъ, заключался въ томъ, отпустить ли ихъ начальство.

— Ловоко! Уйдешь! какъ же ты уйдешь, выкрутишься-то какъ отсюда? кричали Ершову.

— Отсебѣ-то какъ выкрутишься? Говорю возьмемъ паспорта и уйдемъ, по причинѣ, напримѣръ, заработковъ, возразилъ Ершовъ и самъ началъ волноваться.

— А какъ поймаютъ?

— На кой лядъ ты нуженъ? Поймаютъ.. кто насъ ловить-то будетъ, коли ежели ни вниманія, не стоимъ по причинѣ недоумокъ? А мы сдѣлаемъ все какъ слѣдуетъ честь-честью съ паспортами..“

Чтобы окончательно столкнуться относительно того, какъ „выкрутиться“, постановили устроить тайный сходъ ночью въ лѣсу, вдали отъ бдительнаго ока волостнаго начальства. На этомъ сходѣ рѣшено было на другой же день взять паспорта, а затѣмъ, не откладывая, выступить въ путь. Весьма характерна слѣдующая подробность. Такъ какъ вмѣстѣ съ притокомъ новыхъ свлѣкъ къ парашкинцамъ возвратилось сознание роковой необходимости „платить“, то они тотчасъ же поняли, что хотя они и не стоятъ вниманія по причинѣ недоумокъ, какъ говорилъ Ершовъ, но придерживающимъ властямъ все таки, пожалуй, не понравится ихъ исчезновеніе. Поэтому заговорщики упросили своего деревенскаго грамотѣя Фрола, всегда игравшаго у нихъ роль ходатая по дѣламъ, „отправиться немедленно по начальству и ходатайствовать за нихъ хоть заднимъ числомъ — все же можетъ простять ихъ!“

Сказано-сдѣлано. Парашкинцы взяли паспорта и отправились въ путь-дорогу. На старомъ пепелищѣ осталось только четыре семьи: старуха Иваниха (мать знакомаго намъ Демы) да еще дѣдушка Титъ, сильно не одобрявшій затѣвъ парашкинцевъ. „Не донесете вы своихъ худыхъ головъ — кричалъ онъ, грозно стуча въ землю костылемъ — свернуть вамъ шею! Помяните слово мое, свернуть!“ У этого старика связь съ землею была вообще гораздо прочнѣе, чѣмъ у остальныхъ парашкинцевъ, принадлежавшихъ уже къ другому поколѣнію. „Гдѣ онъ родился, тамъ и помирать долженъ; которую землю облюбовалъ, въ ту и положить свои кости“, — такъ отвѣчалъ онъ на всѣ убѣжденія своихъ односельчанъ, казавшихся ему легкомысленными мальчишками. Эта черта заслуживаетъ большаго вниманія. Г. Златовратскій также показываетъ во многихъ изъ своихъ очерковъ, что привычка къ „устоямъ“ у стариковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ молодого поколѣнія.

И такъ, парашкинцы двинулись на новыя мѣста. Они шли съ легкимъ сердцемъ, бодрне и радостны. Радость ихъ была, однако, очень кратковременна. За ними по пятамъ гнался становой, какъ Фараонъ за бѣжавшими изъ Египта евреями.

— Это вы куда собрались, голубчики? закричалъ онъ, нагнавши ихъ на пятнадцатой верстѣ.

„Парашкинцы въ оцѣпенѣніи молчали.

— Путешествовать вздумали? А?

„Парашкинцы сняли шапки и шевелили губами.

— Путешествовать, говорю, вздумали? Въ какія же страны? спросилъ становой и потомъ, вдругъ перемѣняя тонъ, заговорилъ горячо. — Что вы затѣяли... а? Пересе-

леніе? Да я васъ... вы у меня вотъ гдѣ сидите! Я въ-за васъ двое сутокъ не спавши... Маршъ домой... У! Покою не дадутъ!

„Парашкинцы все еще стояли оцѣпенѣлые, но вдругъ, при одномъ словѣ домой, заволновались и почти въ разъ проговорили:

— Какъ тебѣ угодно, ваше благородіе, а намъ уже все едино! Мы убѣгемъ!“

Полицейскій фараонъ не испугался этой угрозы и повелъ бѣглецовъ назадъ въ Парашкино. Двое понятыхъ сѣли на переднюю телегу переселенцевъ а самъ онъ поѣхалъ сзади. Въ такомъ видѣ тронулся этотъ странный поѣздъ, напоминавшій, по словамъ г. Каронина „погребальное шествіе, въ которомъ везли нѣсколько десятковъ труповъ въ общую для нихъ могилу — въ деревню“. На половинѣ дороги становой выѣхалъ на середину поѣзда и громко спросилъ:

— Ну что, ребята, надумались? или все еще хотите бѣжать! Бросьте! Пустое дѣло!

— Убѣгемъ! твердо отвѣчали парашкинцы.“

Передъ вѣздомъ въ деревню становой возобновилъ *мѣры кротости и утѣшанія*. — „Убѣгемъ!“ — съ тою же мрачною твердостью отвѣчали парашкинцы. Бдительный и расторопный начальникъ, не ожидавшій ничего подобнаго, струслилъ и растерялся. Его положеніе въ самомъ дѣлѣ было затруднительно. Впрочемъ, онъ еще не окончательно потерялъ надежду сломить упорство бѣглецовъ, и чтобы пробудить въ ихъ ожесточившихся сердцахъ любовь къ благодѣтельной „власти“ *болотцевъ*, онъ рѣшилъ употребить нѣсколько болѣе энергичныя средства. Онъ заперъ пойманныхъ парашкинцевъ въ бревенчатый загонъ, куда пастухи помѣщика Абдулова загоняли скотъ. Тамъ онъ рѣшилъ держать ихъ, „пока не сознаются въ незаконности своихъ дѣйствій и не откажутся отъ желанія бѣжать“.

Болѣе трехъ дней просидѣли плѣнники въ скотскомъ загонѣ, безъ пищи для себя, безъ корму для лошадей, но рѣшеніе ихъ было неизмѣнно. — Убѣгемъ! говорили они на всѣ угрозы. Наконецъ терпѣніе фараона лопнуло. На него напала такая „меланхолія“, что онъ не зналъ, какъ вырваться изъ несчастной деревни. „Чортъ съ вами! Живите, какъ знаете! воскликнулъ онъ и уѣхалъ. „А черезъ день послѣ его отъѣзда парашкинцы бѣжали. Только не вмѣстѣ и не на новыя мѣста, а въ одиночку, кто куда могъ, сообразуясь съ направленіемъ, по которому въ данную минуту смотрѣли глаза. Одни бѣжали въ города... Другіе ушли неизвѣстно куда и никѣмъ послѣ не могли быть отысканы, продолжая, однако, числиться жителями деревни. Третьи бродили по окрестностямъ, не имѣя ни семьи, ни опредѣленнаго занятія, ни пристанища, потому что въ свою деревню ни за что не хотѣли вернуться. Такъ кончили парашкинцы.“

Не правда ли, читатель, вамъ кажется все это страннымъ и до крайности тенденціознымъ преувеличеніемъ? Но мы можемъ увѣрить васъ, что нарисованная г. Каронинымъ картина совершенно вѣрна дѣйствительности. Разсказъ „*Какъ и куда они переселились*“ — это настоящій „протоколъ“ хотя и не въ духѣ золяистовъ. Вотъ вамъ довольно убѣдительное доказательство. Въ 1868 г. въ славянофильской газетѣ „Москва“ (№ отъ 4 го октября) было сообщено, что многіе крестьяне Смоленской губерніи продаютъ все свое имущество и бѣ-

гуть куда глаза глядятъ. Порѣчскій исправникъ такъ излагалъ это явленіе въ своемъ донесеніи о немъ губернскимъ властямъ. „Вслѣдствіе затруднительнаго въ послѣднемъ году положенія по продовольствію крестьянъ государственныхъ имуществъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, Верховской, Касплинской, Лоипской и Иньковской волости, крестьяне-одиночки, обремененные семействами, распродали на продовольствіе скотъ и другое имущество; не удовлетворивъ же этимъ своихъ нуждъ по продовольствію, приступили къ распродажѣ засѣяннаго хлѣба, построекъ и всего остальнаго своего хозяйства и подъ предлогомъ заработковъ забираютъ свои семейства съ цѣлью переселиться въ другія губерніи...“ „Безысходное, голодающее состояніе крестьянъ—писалъ тотъ же исправникъ дальше—поселило въ нихъ духъ отчаянія, недалекій до безпорядковъ...“ Разбредаящихся крестьянъ отправились ловить и водворять на мѣсто жительства смоленскій вице-губернаторъ, исправникъ и жандармскій полковникъ, но убѣжденія ихъ оказались тщетными. „Крестьяне Иньковской волости заявили вице-губернатору, что они во всякомъ случаѣ уйдутъ и что если ихъ воротятъ съ дороги и подвергнутъ тюремному заключенію, это все таки будетъ лучше, чѣмъ умирать дома отъ голода...“

Мы передали этотъ фактъ такъ, какъ онъ рассказанъ „Москвою“. Скажите, заявленіе смоленскихъ крестьянъ — развѣ это не тоже, что каронинское „убьемъ“? А ловля ихъ вице-губернаторомъ, исправникомъ и жандармскимъ офицеромъ, — вѣдь это нѣчто еще болѣе грандіозное, чѣмъ каронинская погоня становаго за парашкинцами. Извольте же, послѣ этого обвинять нашего автора въ преувеличеніяхъ!

IV

Когда наша демократическая „интеллигенція“ разсуждаетъ о такъ называемыхъ „основахъ“ народной жизни, она забываетъ о реальныхъ, историческихъ условіяхъ, въ которыхъ этимъ основамъ приходилось развиваться. Даже не сомнѣваясь въ принципѣ, что сельская поземельная община очень хорошая вещь, слѣдовало бы помнить, что исторія часто шутитъ очень злая шутки съ самыми хорошими вещами, и что подъ ея вліяніемъ сплошь да рядомъ разумное превращается въ нелѣпое, полезное во вредное: *Vergnügt wird Unsinn, Wohlthat Plage*. Недостаточно одобрять общину въ принципѣ, нужно спросить себя, каково живется *современнымъ русскимъ общинникамъ* въ *современной русской общинѣ*, и не лучше-ли было бы, если бы эта *современная* община,—со всѣми ея *современными, дѣйствительными*, а не *вымышленными* условіями—перестала существовать? Мы видѣли, что самымъ фактомъ своего бѣгства парашкинцы отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно. И они были правы, потому что деревня стала для нихъ „могилой“. Мы все боимся вторженія въ деревню „циви-

зація", т. е. капитализма, который будто бы разрушить народное благосостояніе. Но, во первыхъ, въ лицѣ „множества Елишекъ" т. е. въ лицѣ представителей ростовщическаго капитала, „цивилизация" уже вторглась въ деревню, не смотря на всѣ наши жалобы, а во вторыхъ, пора же, наконецъ, сообразить, что нельзя разрушить то благосостояніе, *которое не существуетъ*. Что потерялъ Дема, переходя изъ подъ власти „болотцевъ" подъ власть машины? Вы помните: „какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности... Паща его улучшилась, т. е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого... Но важнѣе всего: внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унижительныхъ оскорбленій". Помните также, что у Деми при мысли о деревнѣ „страдало человеческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней" т. е. жизни деревенской, на почвѣ старыхъ „основъ" и жизни на фабрикѣ, подъ властью капитализма. „Меня арканомъ сюда не затащишь!" говоритъ ододревенецъ Деми, Потаповъ, можетъ быть, подъ влияніемъ подобнаго же ощущенія. „Эти ужъ не вернутся, нѣ-ѣ-тъ!" увѣряетъ гласнаго Иванъ Ивановъ на счетъ повинувшихъ деревню „кочевыхъ народовъ". Или все это не убѣдительно? Или, можетъ быть, вы опять заговорите о преувеличеніяхъ? Но тогда обвиняйте всю *народническую* беллетристику, потому что и г. Успенскаго и г. Златовратскаго и даже г. Рѣшетникова вы можете найти совершенно подобныя черты современной народной психологій, хотя и въ менѣ яркомъ видѣ. Загляните въ статистическія изслѣдованія,—и вы увидите тамъ, что многіе крестьяне—„собственники" *платятъ* своимъ арендаторамъ за то только, что бы тѣ хоть на время развязали ихъ съ землею. Да что статистика! Снимите народническую повязку съ своихъ глазъ, присмотритесь къ быту рабочихъ, познакомьтесь съ ними, и вы у многого множества изъ нихъ встрѣтите по отношенію къ деревнѣ то же самое „недоброе чувство", какое, по словамъ г. Каронина, питалъ къ ней Дема. Многому множеству изъ нихъ деревня и деревенское общество дѣйствительно представляются ничѣмъ инымъ, какъ „мѣстомъ мученій". Странно, въ виду этого, скорбѣть о пришествіи къ намъ „цивилизация" и о разрушеніи фабрикой не существующаго народнаго благосостоянія! Извѣстно, что нашего брата, русскаго марксиста, очень часто и очень охотно обвиняютъ въ *западничествѣ*. Вообще говоря, мы гордимся этимъ упрекомъ, потому что всѣ лучшіе русскіе люди, оставившіе наиболѣе благодѣтельные слѣды въ исторіи умственнаго развитія нашей страны, были рѣшительными и безусловными западниками. Но на этотъ разъ мы хотимъ повернуть противъ нашихъ противниковъ ихъ собственное оружіе и показать имъ, какъ много въ ихъ разсужденіяхъ бессознательнаго (а слѣдовательно и необдуманнаго) западничества.

Толки о разрушеніи капитализмомъ народнаго благосостоянія ведутся у насъ съ западно-европейскаго голоса. Но на западѣ толки эти имѣли огромный смыслъ, потому что вполне соответствовали

дѣйствительности. Развитие капитализма въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ дѣйствительно понизило уровень народнаго благосостоянія. И въ Англии и въ Германіи и даже во Франціи передъ началомъ капиталистической эпохи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, трудящіеся классы отличались такою степенью зажиточности, до какой имъ очень далеко въ настоящее время*). Поэтому западно-европейскіе социалисты правы, когда говорятъ, что капитализмъ принесъ къ нимъ съ собою народное оскудѣніе (хотя необходимо замѣтить, что они вовсе не заключаютъ отсюда, что капитализмъ былъ не нуженъ). Но развѣ же можно приравнивать современное положеніе русскихъ крестьянъ къ положенію, положимъ, англійскихъ трудящихся классовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ? Вѣдь это же величины безконечно далекія одна отъ другой! Англійскій рабочий можетъ иногда вспомнить добромъ матеріальное положеніе своихъ средневѣковыхъ предковъ. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что современный нашъ русскій фабричный рабочий долженъ сожалѣть о современной намъ русской деревнѣ, въ которой онъ не испытывалъ ничего, кромѣ физическихъ и нравственныхъ страданій? По отношенію къ народному благосостоянію русская исторія шла совсѣмъ не такъ, какъ западно-европейская. То, что напр., въ Англии сѣлъ *капитализмъ*, у насъ уже сѣло *государство*. Объ этомъ не мѣ бы помнить нашимъ противникамъ западничества. Герцена поразило шло когда-то „страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ большей части населенія шло (у насъ) увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени“. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего нелѣпаго. Иначе и быть не могло при нашей экономической неразвитости и при тѣхъ требованіяхъ, которыя навязывались русскому государству сосѣдствомъ съ гораздо болѣе развитой западной Европой, а отчасти и самодурствомъ нашихъ самодержцевъ, часто бравшихся за рѣшеніе совершенно чуждыхъ интересамъ Россіи вопросовъ международной политики. За все это, и за сосѣдство съ западной Европой и за политическія прихоти самодержцевъ, расплачивался русскій мужикъ, наша единственная платежная сила. Русское государство брало и беретъ у своего трудящегося населенія относительно (т. е. примѣнительно къ его экономической состоятельности) болѣе, чѣмъ брало когда бы ни было и какое бы то ни было государство въ мірѣ. Отсюда безпримѣрная бѣдность русскаго крестьянства, отсюда же и „лишеніе правъ большинства населенія“, которое посредствомъ или непосредственно закрѣпощено было государству. Само освобожденіе крестьянъ „съ землею“, до сихъ поръ приводящее въ умпленіе людей чувствительныхъ, но не очень умныхъ, было у насъ ничѣмъ инымъ, какъ новой попыткой обезпечить на счетъ крестьянъ удовлетвореніе денежныхъ нуждъ государства. Земля давалась имъ затѣмъ, чтобы обезпечить имъ исправное исполненіе ихъ „обязанностей по отношенію къ государству“,

*) См. I. Яссена „Die allgemeinen Zustände des deutschen Volkes beim Ausgang des Mittelalters. Freiburg 1881. Drittes Buch; Volkswirtschaft. О положеніи англійскихъ рабочихъ наканунѣ окончательнаго торжества капитализма см. Энгельса „Lage der arbeitenden Klasse in England“, Маркса „das Kapital“ а также книгу г. Янжула „Англійская свободная торговля“.

а лучше сказать затѣмъ, что бы оставить государству благовидный предлогъ для выжиманія изъ нихъ всѣхъ соковъ. Государство спекулировало на выкупной операціи, продавая крестьянамъ земли дороже, чѣмъ платило за нихъ помѣщикамъ. Такъ возникъ новый, современный намъ видъ крѣпостной зависимости крестьянъ, благодаря которой у нихъ часто отбирается (припомните нашу статистику) не только доходъ, приносимый надѣломъ, но и значительная часть посторонняго заработка. Бѣгство крестьянъ изъ деревень, стремленіе ихъ раздѣлаться съ землею означаетъ только желаніе ихъ сбросить съ себя эти новыя крѣпостныя цѣпи и спасти, по крайней мѣрѣ, свой посторонній заработокъ*). Ловля же крестьянъ администраціей показываетъ, что государство прекрасно понимаетъ эту сторону дѣла и, водворяя крестьянъ на мѣсто жительства, снова и снова старается обезпечить исправное исполненіе ихъ „обязанностей“ по отношенію къ нему. Намъ ли, демократамъ какого бы то ни было цвѣта, сочувствовать подобной ловлѣ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, мы привѣтствуемъ бѣгство крестьянъ отъ земли, потому что мы видимъ въ немъ начало конца, экономической прологъ великой политической драмы: паденія русской самодержавной монархіи. Самодержавная монархія зашла слишкомъ да-

*) Вотъ весьма поучительная сценка, заимствуемая нами изъ одного очерка г. Успенскаго. Онъ встрѣчаетъ одного изъ представителей „кочевыхъ народовъ“, который кажется ему какимъ-то „воздушнымъ существомъ“ и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду.

— Когда я спросилъ его: — куда онъ теперь идетъ и зачѣмъ? то воздушное существо отвѣчало: — А и самъ не знаю!... Главное — капиталу нѣтъ нисколько! да и паспорта нѣту, подати требуютъ! Слова о податяхъ являлись какою-то неожиданностью въ общемъ впечатлѣніи воздушнаго человѣка; капиталу у него нѣтъ, паспорта нѣтъ, куда идетъ неизвѣстно; нѣтъ у него ни табаку, ни одежды, ни шапки — и вдругъ какія то подати! — За что же ты платишь-то? спросилъ я, недоумѣвая. — За двѣ души платимъ. — Одинъ? — Вотъ какъ есть! — Стало быть у тебя земля есть? Воздушный человѣкъ подумалъ и весело прощиривъ глаза по птичьей: — Нѣ! Мы платимъ съ пуста!

Разговоръ о податяхъ, готовый было разрушить мое впечатлѣніе о воздушности человѣка, благодаря послѣдней фразѣ „съ пуста“, вновь прервалъ всякую связь между нимъ и дѣйствительностью; онъ опять оказался существомъ вполне воздушнымъ что и позволилъ подтвердить слѣдующими веселыми словами:

— Намъ съ пуста платить — самое пріятное дѣло!... Если-бы платить не съ пуста, такъ куда бы хуже было... А съ пуста-то, слава тебѣ Господи! — Съ пуста платить лучше, чѣмъ не съ пуста? Чувствуя, что я вмѣстѣ со своимъ собесѣдникомъ послѣ послѣднихъ словъ какъ бы поднялся отъ земли къ небу и нахожусь въ воздушномъ пространствѣ, — спросилъ я съ удивленіемъ, и съ удивленіемъ же услышалъ еще болѣе веселыя слова: — Безподобно хорошо съ пуста-то платить!... — Постой! сказалъ я, чувствуя какъ бы головокруженіе отъ высоты подъема надъ земной поверхностью; ты говоришь съ пуста платить лучше? То есть платить, не получая земли? — Это самое! — Почему такъ? Вѣдь землю ты могъ бы отдать въ аренду?... Воздушный человѣкъ засіялъ радостью: — Да она болото у насъ!...

Этотъ отвѣтъ опять какъ бы приближалъ насъ къ землѣ.

— Болото!... Но почему же тебѣ все таки выгодно платить и безъ болота!... Чѣмъ оно тебѣ мѣшаетъ?... — Да не дай богъ къ нему касаться, къ болоту-то! — Ты и не касайся! — Не касался бы, такъ оно касается! Возьми-ко я болото, — анъ ужъ я общественникъ сталъ! Съ меня ужъ и на старосту возьмутъ, и на волость и подорожныя повинности, и мостовую, и караулъ и — Боже мой чего еще!... А какъ я отъ земли отказался, остается мнѣ моя душа, и больше ничего!... Отдалъ за двѣ порции, — и знать ничего не надо!... Сѣверный Вѣстникъ 1889 г., 3 книжка (стр. 210-211)

леко, она „не по чину беретъ“ и, влнуждая крестьянъ бѣжать отъ земли, разрушая всѣ старыя основы ихъ экономической жизни, она разрушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное экономическое основаніе. Когда-то, во времена мамаяевской Руси, всѣ, невыносившіе государственной тяготы, бѣжали на окраины, на „тихій Донъ“, на „матушку Волгу“ и оттуда, собравшись въ огромныя шайки „воровскихъ людей“, не разъ угрожали государству. Теперь обстоятельства измѣнились. На пустынныхъ нѣкогда окрестностяхъ закипѣла новая экономическая жизнь, пульсъ которой бьется даже быстрее чѣмъ въ центрѣ. Покинувшіе деревню „кочевые народы“ группируются теперь уже не въ „воровскія шайки“, а въ рабочіе батальоны, управиться съ которыми русскому правительству будетъ потруднѣе, чѣмъ съ удалцами добраго стараго времени. Въ этихъ батальонахъ зрѣетъ новая историческая сила. Не стихійный, разбойничій протестъ подвинетъ ее на борьбу съ правительствомъ, а сознательное стремленіе перестроить общественное зданіе на новыхъ началахъ и на основѣ тѣхъ могучихъ производительныхъ силъ, которыя создаются теперь ихъ трудомъ на фабрикахъ. Пусть же самодержавіе дѣлаетъ свое дѣло, пусть помогаютъ ему въ этомъ дѣльцы и предприниматели. Отъ ихъ успѣха русскій народъ *уже не можетъ ровно ничего потерять*. Напротивъ, онъ *настѣрное очень мною выигрываетъ*.

V

Не подумайте, однако, что разложеніе старыхъ „устоевъ“ народной жизни совершается исключительно подъ вліяніемъ непомерныхъ платежей, взысканныхъ на общину государствомъ. Во-первыхъ, дѣло не столько въ самыхъ тягостяхъ, сколько въ томъ характерѣ *денежныхъ* платежей, который необходимо принимаютъ эти платежи въ современной Россіи и подъ вліяніемъ котораго крестьянское хозяйство изъ натурального превратилось въ товарное. Кромѣ того, „когда общество попало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія“, всѣ его внутреннія силы, работая въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, дѣлаютъ въ сущности одно и то же дѣло. Со времени петровской реформы государство сдѣлало очень много для того, *что бы* толкнуть Россію на путь товарнаго, а затѣмъ и капиталистическаго производства. Но теперь въ этомъ направленіи дѣйствуетъ уже не одно только государство. Напротивъ, одной рукой толкая Россію на этотъ путь, государство другой рукой стремится задержать его на старомъ. Объ это противорѣчіе и разобьется наше самодержавіе, потому что оно пустило въ ходъ такой хозяйственный двигатель, съ какимъ ему необходимо придется столкнуться. Но въ настоящее время помимо государства есть другая, еще болѣе страшная сила, ведущая Россію на путь капитализма. Она называется внутренней логикой народныхъ экономическихъ отношеній. И нѣтъ власти, которая могла бы остано-

вить ея дѣйствіе! Она проникаетъ вездѣ, ея вліяніе сказывается повсюду, она накладываетъ свою печать на всѣ попытки крестьянъ улучшить свое хозяйственное положеніе. Посмотрите, какъ хорошо изобразилъ эту сторону дѣла разбираемый нами авторъ. Крестьяне деревни Березовки (разсказъ „Братья“) переселились изъ внутренней Россіи въ одну изъ привольныхъ, степныхъ губерній. На родинѣ они бѣдствовали, на новыхъ мѣстахъ имъ удалось добиться „нѣкотораго матеріальнаго довольства“. Казалось бы, что тутъ-то и должно было начаться блестящее развитіе знаменитыхъ „устоевъ“. Вышло, однако, какъ разъ на оборотъ. На родинѣ, въ нуждѣ и несчастіи, у нихъ „была одна душа“, какъ говорили старики, на новыхъ мѣстахъ началось внутреннее разложеніе ихъ общества, завязалась „невидимая борьба между особью и міромъ“. Постепенно „каждый сельскій житель сталъ сознавать, что онъ вѣдь человекъ, какъ всѣ! и созданъ для себя, и больше ни для кого, какъ именно для себя! И каждый вѣдь самъ можетъ жить, устраняясь безъ помощи бурмистра, кокарды и „опчества“. Всѣ прежнія тяготы слились въ одну нераздѣльную кучу. Въ доказательство этого открытія въ сосѣднихъ съ березовкой мѣстахъ поселились примѣры. Первый примѣръ пріѣхалъ изъ сосѣдняго города, купилъ у казны участокъ степи и сталъ жить на немъ, подъ видомъ мѣщанина Ермолаева, и зажилъ по выраженію всѣхъ березовцевъ, „дуже быстро“. Другой примѣръ носилъ кокарду; самого его никто не видѣлъ, но вѣсто него сѣлъ на степь второй гильдіи купецъ Пролетаевъ — „превосходная шельма“. Третій примѣръ проявился въ этихъ мѣстахъ въ родѣ непомятаго родства, потому что нѣ одинъ изъ березовцевъ не зналъ его происхожденія и званія: „кажись мужичекъ по обличью, но ужъ очень серьезности въ емъ много“... А прочіе-то люди, жившіе въ предѣлахъ деревни, люди, ни къ какому обществу неприписанные и ни съ чѣмъ несвязанные, развѣ они не были всѣми доводами въ пользу новой жизни? Каждый изъ сельскихъ жителей очень часто думалъ объ этихъ явленіяхъ; и рѣшительно не было ни одного человека, который въ свободныя минуты не думалъ бы купить себѣ участочекъ, завести „лавочку что ли, пнѣ кабака“. Никто изъ мужиковъ не осуждалъ нравственно людей, жившихъ подобными предпріятіями; напротивъ—„любезное это дѣло!“ Людей такого сорта уважали за умъ, считали „шельмовство“ одною изъ способностей человѣческаго разума, И въ тоже самое мгновеніе каждый изъ березовцевъ уважалъ міръ, покоряясь ему и продолжая жить въ немъ. Совѣсть мужика раскололась тогда пополамъ; въ одной половинѣ отлетѣли „примѣры“, на другой остался міръ. Явились двѣ совѣсти, двѣ нравственности. „Спрашивается, какъ отразилась, какъ могла отразиться на настроеніи отдѣльныхъ особей такая двойственность въ настроеніи всего „міра“? Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло видоизмѣнялось сообразно съ личными особенностями особей. У однихъ перевѣсъ брали пока еще старыя привычки; другія—склонялись на сторону новшествъ, т. е. лавочки, кабака и т. п. И замѣчательно, что на сторону такихъ новшествъ склонялись наиболѣе энергичныя и наиболѣе даровитыя натуры. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный общественный порядокъ близит-

ся къ концу. Его дряхлость выражается въ томъ, что лишь пассивная, недѣятельная натуры продолжаютъ подчиняться ему безъ протеста и безъ разсужденія. Все, что покрупнѣе, посамобытнѣе и посмѣлѣе бѣжитъ вонъ или, по крайней мѣрѣ, настойчиво ищетъ выхода. Нечего и прибавлять, что когда новымъ, наступающимъ порядкомъ является порядокъ *буржуазный*, то подобныя исканія часто принимаютъ очень некрасивый видъ. Въ разсказѣ „Братья“ представителями этихъ двухъ началъ, пассивнаго и активнаго, являются два брата: Иванъ и Петръ Сизовы. Иванъ простодушенъ какъ ребенокъ. Онъ живетъ такъ, какъ жили его прародители, не воображая, что можно жить иначе. Да ему, по его характеру, въ иной жизни нѣтъ и надобности. Иная жизнь—это жизнь особнякомъ, внѣ міра, на свой страхъ и исключительно для своей пользы. А Иванъ человекъ общественный, онъ любитъ свой „міръ“ и никогда не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда приходится дѣлать какое нибудь мірское дѣло *сообща*. Онъ лѣзетъ изъ кожи вонъ во время земельныхъ передѣловъ, которые, какъ извѣстно, являются въ деревнѣ настоящими священнодѣйствіями; онъ не пропускаетъ ни одного сборища, а когда дѣло доходитъ до общественной, мірской выпивки, то онъ немедленно принимаетъ на себя роль хозяина, потому что „никто такъ не умѣлъ дѣлать и подносить чарки общественной водки, когда міру удавалось содрать съ кого нибудь *штрахъ*“ (т. е. штрафъ). Міръ хорошо понималъ характеръ своего члена, и когда рѣшено было прикупить у казны на общій счетъ участокъ земли, то Иванъ былъ выбранъ *ходакомъ* и ему вручили общественныя деньги.

Не таковъ былъ Петръ. Умный, настойчивый, дѣятельный, изобрѣтательный, себялюбивый и самолюбивый, онъ презиралъ и общину и общинниковъ и всѣ общинныя дѣла и интересы. Почти во всѣхъ поступкахъ своего добродушнаго и простоватаго брата онъ видѣлъ „одну сплошную глупость“. Онъ мечталъ о быстрой и крупной наживѣ, а нажиться, живя по старому, не было никакой возможности. Старый порядокъ крестьянской жизни сулилъ впереди не наживу, а множество всевозможныхъ тягостей. И вотъ Петръ Сизовъ замыкается въ себя, рѣдко появляется на общественныхъ сходкахъ и думаетъ уже не о томъ, чтобы, подобно брату, служить міру, а о томъ, чтобы поживиться на его счетъ. Онъ становится кулакомъ и міръ уважаетъ его, передъ нимъ всѣ снимаютъ шапки, его называютъ „башкою“. Для покупки сказаннаго участка земли вмѣстѣ съ Иваномъ Сизовымъ посылаютъ и Петра.

По дорогѣ въ городъ между братьями произошелъ слѣдующій многознаменательный разговоръ.

- Подлинно голова! сказалъ Петръ, указывая на проѣзжавшаго мимо ихъ старшину.
- А что? откликнулся Иванъ.
- Разбогатѣлъ. Теперича куда и шапку не ломаетъ! Умень, шельма.
- Старшина, обыкновенно.
- Ничего не старшина. Старшина одна причина, а умъ-другая.
- Должно быть, на руку нечистъ... замѣтилъ наивно Иванъ, удивляясь чегу его братъ нахмурился...
- Допрежь голъ мужиченко былъ, замѣтилъ Петръ. Значитъ башка-то не дермомъ

набита, есть же, значить разсудительность. Слыхалъ, какъ онъ пошелъ въ ходъ? Семеновцы, такъ же, какъ въ примѣру мы, задумали прикупить лугъ. Хорошо. Выбрали. А старшину послали за купчей. А онъ, не будь просто, денежки да лужочекъ-то въ карманъ спустил. Туда-сюда, а купчая-то ужъ въ карманѣ. Считается! Конечно, какъ надъ дураками и не смѣяться? Такъ и бросил.

— Безсовѣстный и есть! съ негодованіемъ воскликнулъ Иванъ.

— Не безъ того. А между прочимъ, какъ судить. Судить надо по просту. Оно и выйдетъ, что ловко вывернулся, уме-енъ! Умѣетъ жить!

— Разбойствомъ-то.

— Для чего разбойствомъ? Все по закону. Нынче, братъ мой, все законъ, бумага.

— А грѣхъ?

— Всѣ мы грѣшны.

Иванъ помолчалъ.

— А Богъ? потомъ спросилъ онъ.

— Богъ милосливъ. онъ разберетъ что кому. А жить надо.

Разбойствомъ! вѣдь онъ стало быть выходить воръ?

— Ну-у! протянулъ глухо Петръ...

— Совѣсть, братъ, темное дѣло, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А міръ? спросилъ Иванъ.

— Какой такой міръ? презрительно замѣтилъ Петръ.

— Да какъ же, а семеновцы-то!

— Каждый свою пользу наблюдаетъ, хотя бы и въ міру. Развѣ міръ тебя произродилъ?

— Что-жь...

— Міръ тебя поитъ-кормитъ?

— Ты не туда...

— Нѣтъ, я туда... Каждый гонитъ свою линію. Какъ есть ты человекъ и больше ничего. А міра нѣтъ... Ну будетъ по пустому болтать, слышь?

— Ась! откликнулся задумавшійся Иванъ.

— Подбери возжи! рѣзко сказалъ Петръ.

Предметъ былъ исчерпанъ, и разговоръ болѣе не возобновлялся. Но не даромъ заводилъ его Петръ. Примѣръ „умнаго“ старшины не выходилъ у него изъ головы. Когда, послѣ долгихъ хожденій по бюрократическимъ мытарствамъ, нужный березовцамъ участокъ былъ пріобрѣтенъ, то оказалось, что купчая сдѣлана на имя Петра Сизова. Бѣдный Иванъ, конечно, и не подозрѣвалъ обмана.

Что же сдѣлалъ міръ? Общинники отколотили ни въ чемъ неповиннаго Ивана, но даже пальцемъ не тронули Петра. Петръ сказалъ имъ, что бумага (т. е. купчая) „не для нихъ писана“ и обѣщалъ современнымъ возратить деньги. Но денегъ онъ не возвратилъ, а березовцы поговорили-поговорили, да и пошли обрабатывать, по найму у Петра Тимофѣевича Сизова, у нихъ же украденный участокъ земли. Иванъ и тутъ не отсталъ отъ міра. Онъ былъ въ числѣ другихъ рабочихъ и съ увлеченіемъ варилъ для „опчиства“ кашу.

Трудно сильнѣе изобразить безсиліе современной общины въ борьбѣ съ разлагающими ее вліяніями. На одной сторонѣ артельная каша, на другой—умъ, хитрость, „законъ“, „бумага“...

VI

Впрочемъ, торжество кулачества въ борьбѣ съ общиной представляетъ предметъ, давно и хорошо знакомый читателямъ. Г. Каронинъ не много сказалъ бы намъ новаго, еслибы ограничился изображеніемъ *этого* элемента внутренняго разложенія „устоевъ“. Но въ его произведеніяхъ отгѣняются еще и другіе элементы, какихъ очень мало касались или совсѣмъ не затрагивали наши народники-беллетристы. А между тѣмъ они заслуживаютъ большого вниманія изслѣдователя.

Не всѣ даровитые люди современной деревни становятся кулаками. Что бы сдѣлаться кулакомъ, нужно извѣстное стеченіе обстоятельствъ, на которое можетъ разсчитываться только небольшое меньшинство. Большинству же приходится приспособляться къ переживаемому теперь деревней историческому процессу иначе: оно или покидаетъ деревню, или продолжаетъ тамъ жить, устраиваясь на новыхъ началахъ, забывая о той тѣсной, органической связи, которая соединяла когда-то членовъ одной общины. Индивидуализмъ, виѣдряясь въ деревню со всѣхъ сторонъ, окрашиваетъ рѣшительно всѣ чувства и мысли крестьянина. Но въ высшей степени ошибочно было бы думать, что его торжество характеризуется однѣми только мрачными чертами. Историческая дѣйствительность никогда не отличается подобною односторонностью. Вторженіе индивидуализма въ русскую деревню пробуждаетъ къ жизни такія стороны крестьянскаго ума и характера, развитіе которыхъ было невозможно при старыхъ порядкахъ и въ тоже время было необходимо для дальнѣйшаго поступательнаго движенія народа. Само кулачество нерѣдко знаменуетъ собою теперь пробужденіе именно этихъ, *прогрессивныхъ* сторонъ народнаго характера. Наши слова могутъ показаться парадоксомъ, но парадокса въ нихъ вѣтъ и тѣни. Народническая беллетристика не разъ уже отгѣняла то обстоятельство, что современный крестьянинъ часто ударяется въ кулацкую наживу именно потому, что видитъ въ деньгахъ единственное средство огражденія своего человѣческаго достоинства. У г. Златовратскаго крестьянинъ Петръ—если не ошибаемся въ „*Устойхъ*“—становится кулакомъ, задавшись цѣлью охранить свой „ликъ“ отъ безпрестаннаго оплеванія. Подобныя же черточки не разъ подмѣчалъ и г. Успенскій. И это очень важно и очень характерно для нашего времени. Кулаки существуютъ въ русской деревнѣ издавна, но навѣрное съ очень недавнихъ временъ въ темномъ кулацкомъ царствѣ существуютъ персонажи, думающіе о своемъ „ликѣ“. Но что еще болѣе важно, такъ это то, что забота о „ликѣ“ извѣстна теперь не однимъ только кулакамъ. Она начинаетъ одолевать и горькую деревенскую бѣдноту, она, можетъ быть, еще лучше знакома „кочевымъ народамъ“. Утрачивая свою непосредственность, оглядываясь на са-

мага себя, крестьянинъ предъявляетъ русской общественной жизни повныя требованія. Передъ этими требованіями оказываются несостоятельными современные наши общественные и политическіе порядки, — и въ этомъ заключается ихъ историческое осужденіе.

Конечно, пробуждаясь отъ тысячелѣтняго сна, крестьянская мысль далеко не сразу обнаруживаетъ всю ту силу и всю ту крѣпость, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ нея въ будущемъ. Ея первыя попытки встать на ноги оказываются часто неудачными, принимаютъ ложное, болѣзненное направленіе. Но хорошо уже и то, что подобныя попытки существуютъ; хорошо также то, что наша народническая беллетристика умѣла подмѣтить ихъ и занести на бумагу. Нѣкоторые рассказы г. Каронина специально посвящены ихъ изображенію.

Остановимся пока на рассказѣ „Деревенскіе нервы“.

Крестьянинъ Гаврило отличался значительной зажиточностью и, если мѣрить на старую крестьянскую мѣрку, могъ бы, казалось, считаться счастливымъ. „Что такое счастье? спрашиваетъ нашъ авторъ. Или лучше сказать, что для Гаврилы счастье? Земля, меринъ, телка и бычекъ, три овцы, хлѣбъ съ капустой и многія другія вещи; потому что если бы чего нибудь изъ перечисленнаго не достанало, онъ былъ бы несчастливъ. Въ тотъ годъ, когда у него околѣла телка, онъ нѣсколько ночей стоналъ, какъ въ бреду... Но такія катастрофы бывали рѣдко; онъ ихъ избѣгалъ, предупреждая или поправляя ихъ. Хлѣбъ? Хлѣбъ у него не переводился. Въ самые голодные годы у него сохранялся мѣшокъ, другой муки, хотя онъ это обстоятельство скрывалъ отъ жадныхъ сосѣдей, чтобы который изъ нихъ не попросилъ у него одолженія. Меринъ? Меринъ вѣрно служилъ ему пятнадцать лѣтъ и никогда не умиралъ; въ послѣднее время только замѣтно сталъ сопѣть и недостаточно ловко владѣлъ задними ногами; но, въ виду его смерти, у Гаврилы былъ двухгодовалый подростокъ“. Словомъ, такъ неподражаемо изображенный г. Успенскимъ и столь привлекательный ему Иванъ Ермолаевичъ на мѣстѣ Гаврилы навѣрное былъ бы вполне доволенъ и собою и всѣмъ окружающимъ. Но самъ г. Успенскій сознается, что Иванъ Ермолаевичъ уже отживаетъ свой вѣкъ. Это типъ осужденный исторіей на исчезновеніе. Герой рассказа „Деревенскіе нервы“ совсѣмъ не обладаетъ деревенной уравновѣшенностью Ивана Ермолаевича. Онъ страдаетъ „нервами“, чѣмъ приводитъ въ величайшее изумленіе сельскаго фельдшера, а читателямъ даетъ лишній поводъ обвинить г. Каронина въ тенденціозности. Болѣзненное состояніе „деревенскихъ нервовъ“ Гаврилы даетъ себя чувствовать тѣмъ, что на него вдругъ нападаетъ невыносимая, безысходная тоска, подъ вліяніемъ которой у него изъ рукъ валится всякая работа. „Ну ее къ яду!“ отвѣчаетъ онъ на замѣчаніе жены, что пора ѣхать на пашню. Жена не можетъ придти въ себя отъ изумленія, да и самъ Гаврило страшится своихъ собственныхъ словъ; но „нервы“ ни на минуту не даютъ успокоиться и нашъ герой идетъ поговорить съ батюшкой. „Я бы передъ тобой все одно, какъ передъ Богомъ—говоритъ онъ священнику. Мнѣ ужъ таить нечего, дѣваться некуда, одно слово хоти бы руки на себя наложить, такъ въ пору. Значитъ приперло же меня здорово“. Достойный свя-

пеннослужитель, привыкшій въ олимпійскому спокойствію Ивановъ Ермолаевичей, никакъ не могъ взять въ толкъ, чего нужно его сранному собесѣднику.

— Да я не понимаю, какая это хворь? воскликнулъ онъ. По моему дурь одна... Какая это хворь!

— Жизни не радъ— вотъ какая моя хворь! *Не знаю, что къ чему, зачѣмъ... и къ какимъ прощамъ...* упорно настаивалъ Гаврило.

— Ты вѣдь землепашецъ? строго спросилъ батюшка.

— Землепашецъ, вѣрно.

— Чего же тебѣ еще! Добывай хлѣбъ въ потѣ лица твоего и благо тебѣ будетъ. какъ сказано въ писаніи...

— А зачѣмъ мнѣ хлѣбъ? пыливо спросилъ Гаврило.

— Какъ зачѣмъ? Ты ужь, братъ, кажется, замолелся... Хлѣбъ потребенъ человѣку.

— Хлѣбъ, точно, ничего... Хлѣбъ— оно хорошее дѣло. Да для чего онъ? вотъ какая штука-то? Нынче я ѣмъ, а завтра опять буду ѣсть его... Вѣдь сваливаешь въ себя хлѣбъ, какъ въ прорву какую, какъ въ мѣшокъ пустой, а для чего? Вотъ оно и скучно... Такъ во всякомъ дѣлѣ, примешься хорошо, начнешь работать, да вдругъ спросишь себя: *зачѣмъ, для чего? И скучно...*

— Такъ вѣдь тебѣ, дуракъ, жить надо! Затѣмъ ты и работаешь, сказалъ гнѣвно батюшка.

— А зачѣмъ же мнѣ надо жить? спросилъ Гаврило.

Батюшка плюнулъ.—Тьфу! ты, дуракъ этакій!

— Ты ужь, отецъ не изволь гнѣваться. Вѣдь я тебѣ рассказываю, какія мои предсмертныя мысли... Я и самъ не радъ; ужь до той мѣры дойдетъ, что тошно, болитъ душа... Отчего это бываетъ?

— Будетъ тебѣ молоты! сказалъ строго батюшка, собиравсь прекратить странный разговоръ.

— Главное — дѣваться мнѣ некуда! возразилъ грустно Гаврило.

— Молись Богу, трудись, работай... Это все отъ лѣни и пьянства... Больше мнѣ вечаго тебѣ присовѣтовать. А теперь ступай съ Богомъ.

— Батюшка при этомъ рѣшительно всталъ...

Случилось-ли вамъ прочесть такъ называемую „Исповѣдь“ графа Л. Толстого? Не правда-ли, Гаврило задавалъ себѣ тѣ же самыя вопросы:— „зачѣмъ? для чего? а послѣ что?“ — какіе мучили знаменитаго романиста? Но между тѣмъ какъ богатый и образованный графъ имѣлъ полную возможность отвѣтить на эти вопросы менѣе уродливо, чѣмъ онъ отвѣтилъ,—Гаврило, самымъ положеніемъ своимъ, лишенъ былъ всякихъ средствъ и всякихъ пособій для правильнаго ихъ рѣшенія. Въ окружавшей его тьмѣ ни откуда не было просвѣта. Онъ плакалъ, чудилъ, нагрубилъ священнику, обругалъ фельдшера, подрался со старшиною и угодилъ въ острогъ за эту драку. Его спасъ фельдшеръ, обратившій вниманіе суда на болѣзненное душевное состояніе подсудимаго. Успокоился онъ уже значительно позже, когда нашелъ мѣсто дворника въ сосѣднемъ городѣ. Тамъ *думать* было не о чемъ. „Развѣ можно чтонибудь думать о метлѣ или по поводу ея? А у него въ жизни метла одна только и осталась — поясняетъ г. Каронинъ. Влѣдствіе этого, мыслей у него больше не появлялось. Онъ дѣлалъ то, что ему приказывали. Если бы ему приказали этой

же метлой бить по спинамъ жильцовъ, онъ не отказался бы. Жильцы его не любили, какъ бы понимая, что этотъ человекъ совсѣмъ не думаетъ. За его позу передъ воротами они называли его „идоломъ“. А между тѣмъ онъ виноватъ былъ только тѣмъ, что оборванные деревней нервы сдѣлали его безчувственнымъ“.

„Проницательный читатель“ поспѣшитъ замѣтить намъ, что осаждавшіе Гаврилу вопросы ни мало не разрѣшались метлою, и что, поэтому, совершенно не понятно, отчего мѣсто дворника дало этому странному крестьянину желанное успокоеніе. Но дѣло въ томъ, что, говоря вообще, Гаврило ставилъ себѣ вопросы совершенно неразрѣшимые, неразрѣшимые ни въ городѣ, ни въ деревнѣ, ни сохою, ни метлою, ни въ монашеской кельѣ, ни въ кабинетѣ ученаго. „Зачѣмъ! Для чего! А послѣ что!“ Помните гейневскаго юношу, который спрашиваетъ: Was bedeutet der Mensch? Wohin ist er gekommen? Wo geht er hin? Нашель-ли онъ отвѣтъ?

Es murmeln die Wogen ihr ewiges Gemürmel,
Es weht der Wind, es fliehen die Wolken,
Es blinken die Sterne gleichgültig und kalt
Und ein Narr wartet auf Antwort!

Да, это неразрѣшимые вопросы! Мы можемъ узнать, какъ происходитъ дѣло, но незнаемъ зачѣмъ происходитъ оно. И однако замѣчательно, что неразрѣшимость подобныхъ вопросовъ мучить людей только при извѣстномъ складѣ общественныхъ отношеній, только тогда, когда общество, или извѣстный классъ, или извѣстный слой общества, находится въ состояніи болѣзненнаго кризиса. Живой о живомъ и думаетъ. Физически и нравственно здоровымъ людямъ свойственно жить, работать, учиться, бороться, огорчаться и радоваться, любить и ненавидѣть, но вовсе не свойственно плакать надъ неразрѣшимыми вопросами. Такъ и поступаютъ обыкновенно люди, пока они здоровы физически и нравственно. А нравственно здоровыми они остаются до тѣхъ поръ, пока живутъ въ здоровой общественной средѣ, т. е. до тѣхъ поръ, пока данный общественный порядокъ не начинаетъ клониться къ упадку. Когда наступаетъ такое время, тогда сначала въ самыхъ образованныхъ слояхъ общества являются безпокойные люди, вопрошающіе: „даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?“—потомъ, если это болѣзненное состояніе распространяется по всему общественному организму, недовольство собой и всѣмъ окружающимъ сказывается въ самыхъ темныхъ его слояхъ; и тамъ, какъ въ интеллигентной средѣ, находятся „нервные“ особи, одолаваемые „предсмертными“, какъ выразился Гаврило, мыслями. Употребляя выраженія Сен-Симона, можно сказать, что болѣзненное стремленіе разрѣшить неразрѣшимое свойственно критическимъ и чуждо органическимъ эпохамъ общественнаго развитія. Но дѣло въ томъ, что и въ критическія эпохи подъ этимъ стремленіемъ задумываться надъ неразрѣшимыми вопросами скрывается вполне естественная потребность открыть причину испытываемой людьми неудовлетворенности. Какъ только она открыта, какъ только люди, переставшіе удовлетворяться своими старыми отношеніями, находятъ новую цѣль въ жизни, ставятъ передъ собою новыя нравственныя и общественныя задачи,

отъ ихъ склонности къ неразрѣшимымъ метафизическимъ вопросамъ не остается и слѣда. Изъ метафизиковъ они снова превращаются въ живыхъ людей, о живомъ думающихъ, но думающихъ уже не по старому, а по новому. Можно и иначе вылѣчиться отъ той же болѣзни: уйти изъ той среды, которая навела васъ на „предсмертныя“ мысли, забыть о ней, найти такое занятіе, которое не имѣло бы ничего общаго съ вашей старой обстановкой. Очень можетъ быть, что въ пріютившей васъ новой средѣ окажутся свои „проклятые вопросы“, но они будутъ вамъ чужды, и пока они найдутъ доступъ къ вашему уму и сердцу, вы успѣете отдохнуть, успѣете насладиться извѣстною степенью „безчувственности“. Въ подобномъ лѣченіи посредствомъ бѣгства немного привлекательнаго, но несомнѣнно, что онъ при случаѣ можетъ оказаться вполне дѣйствительнымъ. Гаврило прибѣгъ именно къ этому способу, и по своему вылѣчился. Его вылѣчила не „метла“, а просто переменна обстановка. Покинутая деревня перестала терзать его своими неурядицами, а вмѣстѣ съ этимъ пропали и предсмертныя мысли.

VII

Болѣзненное нравственное настроеніе, овладѣвающее крестьяниномъ подъ вліяніемъ современной деревенской обстановки составляетъ также главную мысль другого разсказа г. Каронина: „*Большой Житель*“. Герой этого разсказа, крестьянинъ Егоръ Ѳедоровичъ Горѣловъ, подобно Гаврилѣ, махнулъ рукой на свое хозяйство и почувствовалъ отвращеніе къ деревенскимъ порядкамъ, задумавшись все надъ тѣми же вопросами: „что къ чему, зачѣмъ и какимъ правиламъ?“. Однако онъ пришелъ уже къ довольно опредѣленному и довольно конкретному отвѣту на этотъ счетъ. Изъ подъ „власти земли“ онъ выбился также безповоротно, какъ и Гаврило. Но онъ не одеревенѣлъ, не превратился въ „идола“. У него есть извѣстная цѣль, къ которой онъ и стремится по мѣрѣ силъ и возможности. „Разное бываетъ хозяйство—отвѣчаетъ Егоръ Ѳедоровъ на вопросъ, почему онъ предпочитаетъ жить въ батракахъ, а не въ собственномъ домѣ. *Главное, что бы съ умъ былъ порядокъ.* Который человекъ полуумный и никакого хозяйства въ душѣ у него не водится, тому все одно“... Странно звучать такія слова въ устахъ русскаго крестьянина, и неудивительно, что, по замѣчанію автора, послѣ разговора съ Егоромъ Ѳедоровичемъ на многихъ изъ его односельцевъ „нападала тоска“. Собесѣдникъ, выслушавшій вышеприведенный отвѣтъ на счетъ хозяйства, не вѣрилъ своимъ ушамъ. „Изумленіе его было столь велико, какъ еслибы ему сказали, что его ноги, собственно говоря, растутъ вмѣстѣ съ онучами у него на головѣ“. Онъ могъ только произнести, „вотъ оно какъ!“ и съ этихъ поръ уже не спрашивалъ Горѣлова, чувствуя къ нему непреодолимый страхъ“. Этотъ собесѣдникъ оче-

видно не утратилъ еще старой крестьянской непосредственности и жилъ, не мудрствуя лукаво. Это былъ своего рода Иванъ Ермолаевичъ, не упускавшій, впрочемъ, случая зашибить копѣйку мелкой торговлишкой. Онъ не могъ понять Горѣлова, который, въ свою очередь, пересталъ понимать его и ему подобныхъ.

Установивши извѣстный „порядокъ“ въ своемъ собственномъ умѣ, Егоръ Федоровичъ сталъ сильно задумываться объ участи своихъ односельчанъ. Слыхалъ онъ, „будто въ губерніяхъ на счетъ деревень нашихъ хлопчутъ“. Ему очень занято было послушать, „что такое и въ какомъ значеніи?“—и вотъ онъ рѣшился идти на собесѣдованіе къ учителю Синицыну. Къ несчастью, изъ ихъ разговора вышло не больше, чѣмъ изъ разговора Гаврилы со священникомъ.

—На счетъ чего хлопчутъ въ губерніи? пристава къ учителю Горѣловъ. Въ какомъ значеніи житель-то нашъ? Слыхалъ я, что въ мѣщане приписываютъ... или останется онъ на прежнемъ положеніи?

—Хлопчутъ, чтобы какъ лучше ему было, возразилъ учитель.—Ты вотъ не умѣешь читать, а я читалъ газету. Прямо написано: дать мужику въ нѣкоторомъ родѣ отдыхъ!

—Облегченіе?

—Облегченіе. По крайности, чтобы насчетъ пищи было благородно.

—А насчетъ прочаго? съ тоской спросилъ Горѣловъ.

—Ну, въ отношеніи прочаго я тебѣ ничего пока не могу сказать. Пока не вычиталъ. А какъ вычитаю—приходи, расскажу досконально!

—А я такъ думаю, не миновать ему казни! сказалъ Горѣловъ.

—Кому казни? удивленно спросилъ учитель.

—Да жителю-то.

—Что ты говоришь?

—Да такъ... не минетъ онъ казни. Помни ты мое слово — будетъ ему казни! Ужели же пользу ему возможно сдѣлать, ежели онъ ополоумѣлъ? Говоришь хлопчутъ, да Господи Боже мой, зачѣмъ? Стало быть пришелъ же ему конецъ, какъ скоро онъ все одно, что оглашенный. Нѣту ему больше ходу, и никто не воленъ облегчить его. Не знаю... не знаю, какъ нашимъ ребятамъ... имъ бы помочь, а нашему брату, деревенскому жителю, ничего ужъ намъ не надо! Одна единая дорога нашему брату, старому жителю — къ бочкѣ, грѣшной...

—Въ кабакъ?

—Пря-амехонько въ кабакъ! По той причинѣ, что никто не воленъ дать намъ другой радости, окромя этой!

—А ты пьешь? Я чтой-то не слыхалъ.

Горѣловъ покачалъ головою ..“

Вскорѣ послѣ этого разговора онъ окончательно покинулъ родныя мѣста.

Но неужели такъ трудно ужитья въ современной деревнѣ крестьянину съ нѣкоторыми „порядкомъ въ мысляхъ? спросить, можетъ быть, читатель.

Вмѣсто отвѣта мы укажемъ ему еще на два рассказа г. Каронина: „Вольный Человѣкъ“ и „Ученый“.

Въ знакомомъ уже намъ Парашкинѣ, повидимому, еще за долго до повального бѣгства его обывателей, жили - были два крестьянина:

Илья Малый и Егоръ Панкратовъ. Они ни въ чемъ не походили одинъ на другого. „Илья Малый былъ простодушенъ; Егоръ Панкратовъ сосредоточенъ. Илья Малый молчалъ только тогда, когда говорить было нечего; Егоръ Панкратовъ говорилъ только тогда, когда молчать не было никакой возможности... Одинъ постоянно отчаявался, другой показывалъ видъ, что ему ничего“ и т. д. Но главное различіе ихъ характеровъ заключалось въ томъ, что „Илья Малый жилъ такъ, какъ придется и какъ ему дозволятъ; Егоръ Панкратовъ старался *жить по правиламъ*, не дожидаясь позволенія. *Одинъ жилъ и не думалъ, другой думалъ и этимъ пока жилъ.*

Не смотря на все несходство ихъ характеровъ, между Ильей Малымъ и Егоромъ Панкратовымъ существовала тѣсная дружба. Она завязалась съ тѣхъ поръ, какъ Егоръ отбилъ у старосты корову Ильи, предназначенную къ продажѣ за недоимку. Такой поступокъ Егора, мотивированный, впрочемъ, тѣмъ соображеніемъ, что „въ законъ про корову нигдѣ не сказано“, возбудилъ полнѣйшее удивленіе робкаго и беззащитнаго Ильи. Егоръ казался ему героемъ, и онъ безусловно подчинился ему всегда и всюду, крѣпъ тѣхъ случаевъ, когда его другъ вступалъ въ столкновеніе съ бариномъ или съ сельскимъ начальствомъ. Въ этихъ случаяхъ Илья немедленно обращался въ постыдное бѣгство, а Егоръ стоялъ на своемъ и,—случалось—выходилъ побѣдителемъ, потому что всегда старался держаться законной почвы.

Стремленіе жить по закону и „по правиламъ“ сдѣлалось маніей Егора. „Всѣ повинности онъ отправлялъ исправно, подати платилъ въ срокъ и съ презрѣніемъ глядѣлъ на голытьбу, которая доводитъ себя до самозабвенія. Порка для него казалась даже странной; онъ говорилъ: *чай я не дите малое*“.

Со всѣмъ тѣмъ, онъ смутно чувствовалъ, что твердой законной почвы у него подъ ногами не имѣется. Его права, какъ „вольнаго человека“ и самостоятельнаго хозяина были ему очень не ясны. И хотя онъ безусловно предпочиталъ новые деревенскіе порядки старымъ, крѣпостническимъ, однако и новые порядки далеко не могли удовлетворить его стремленія къ самостоятельной жизни *по правиламъ*. „Душа, братецъ мой, вольна нынче, а тѣло—нѣтъ, такъ-то!“ возразилъ онъ однажды своему пріятелю, утверждавшему, что нынче „ничего, жить можно“. Егоръ Панкратовъ никогда не могъ отдѣлаться отъ этого тяжелаго, хотя и смутнаго сознанія своей неволи. Его никогда не покидала мысль о поруганіи, угрожающемъ крестьянину при неисправномъ отправленіи имъ своихъ „обязанностей“ по отношенію къ государству. Онъ сталъ скупъ и жаденъ, копя и собирая деньги единственно для своевременной уплаты податей. Но пришло время, когда всѣ его усилія оказались бесполезными.

Выѣстъ съ Ильей, Егору не разъ случалось наниматься на работу у сосѣдняго помѣщика, который, подобно многимъ представителямъ доблестнаго російскаго дворянства, не имѣлъ привычки торониться съ уплатой своихъ долговъ, въ особенности долговъ работникамъ. У Егора и прежде уже происходили по этому поводу довольно сильныя столкновенія съ беззаботнымъ бариномъ, но въ тотъ разъ, о которомъ идетъ рѣчь,

дѣло принимало особенно непріятный оборотъ. Съ него и съ его друга требовали податей, а помѣщикъ отказывался расплатиться съ ними, отговариваясь недосугомъ. И въ самомъ дѣлѣ, у него были гости и онъ уже нѣсколько дней кутилъ съ ними безъ перерыву. Въ числѣ гостей былъ и становой.

Егоръ находился въ крайности. „Предчувствіе о ней давно уже тяготѣло надъ нимъ, но смутно; онъ не очень безпокоился. А теперь эта крайность встала передъ глазами. Мысль же о поркѣ приводила его въ необузданное состояніе, и понятно, что онъ выглядѣлъ очень мрачно, когда предсталъ передъ барининомъ“.

— Да что же это такое? сказалъ онъ съ волненіемъ, стоя въ прихожей передъ барининомъ, также взбѣсившимся.

„По обыкновенію, Егоръ Панкратовъ былъ впереди, а Илья Малый прятался за нимъ.“

— Сколько разъ васъ гоняли и говорили вамъ, что некогда? бѣшено говорилъ баринъ, чувствуя, что голова его сейчасъ треснетъ.

— Намъ, ваша милость, дожидаться нельзя. Описаніе! Мы за своимъ пришли... кровники! отвѣтилъ съ возростающимъ возмущеніемъ Егоръ Панкратовъ.

— Ступайте прочь! душу готовы вынуть за трешницу!

— Намъ, ваша милость, нельзя дожидать...

— Говорю вамъ убирайтесь! Рваться я стану въ книгахъ! кричалъ совсѣмъ вышедшій изъ себя баринъ.

„А Егоръ Панкратовъ стоялъ передъ нимъ блѣдный и мрачно глядѣлъ въ землю.“

— Эхъ ваша милость! стыдно обижать вамъ насъ въ этомъ разѣ... сказалъ онъ.

— Да ты уйдешь? Эй! Яковъ! Гони!

„На шумъ вышли почти всѣ гости... и становой. Послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ Егору Панкратову удалиться. Но Егоръ Панкратовъ не удалился; онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ то на того, то на другого изъ гостей, и, наконецъ, сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Ты, ваше благородіе, не путайся въ это мѣсто“.

Скверно кончилась эта исторія для нашего сторонника законности. Его чуть было не высѣкли, и только по совѣту старшины, боявшагося „взбалмошнаго“ нрава „Егорки“, замѣнили это позорное наказаніе заключеніемъ въ „темную“, на хлѣбъ и воду. Деревенскій староста боялся было, что онъ упрется, и униженно просилъ его „покориться“. И Панкратовъ покорился. Молча и мрачно пошелъ онъ въ „канцерь“, молча и мрачно вышелъ оттуда, придя домой забрался на полати, напился квасу и... заболѣлъ горячкой. Всѣ сосѣди и даже всѣ деревенскіе начальники отнеслись къ нему съ полнѣйшимъ сочувствіемъ, и не понимали только одного: что собственно такъ огорчило страннаго мужика.

„Прохворалъ онъ почти всю зиму; покопоятся на дворѣ, поработаетъ и опять сляжетъ. Илья Малый старался во всемъ ему помогать, но все таки хозяйство его было уже разстроено, да и самъ онъ былъ не тотъ. Однажды, въ началѣ весны, онъ вышелъ на заваленку погрѣться на солнышкѣ, и всѣ, кто проходилъ мимо него, не узнавали въ немъ Егора Панкратова. Блѣдное лицо, тусклые глаза, видныя движенія и странная, больная улыбка—вотъ чѣмъ сталъ Егоръ

Панкратовъ. Къ нему подсѣлъ Илья Малый и, рассказавъ свои планы на наступающее лѣто, неосторожно воснулся проишествія, укоряя Егора Панкратова за то, что тогда онъ огорчился изъ-за пустяковъ. Егоръ Панкратовъ сконфузился и долго не отвѣчалъ, улыбаясь не встать... Потомъ сознался, что его тогда „нечистый попуталъ“. Онъ стыдился за свое прошлое. Такимъ Егоръ Панкратовъ остался навсегда. Онъ сдѣлался ко всему равнодушнѣе. Ему было, повидимому, все равно, какъ ни жить, и если онъ жилъ, то потому, что другіе живутъ, напримѣръ, Илья Малый.. Разумѣется, Егоръ Панкратовъ и Илья Малый остались по прежнему друзьями-пріятелями; они „соопча“ работали, „соопча“ терпѣли невзгоды; ихъ и сѣкли за одинъ разъ“.

Такъ наказала современная деревня „вольнаго человѣка“ за его стремленіе къ жизни по „правиламъ“.

✧
VIII

Въ разсказѣ „Ученый“ передъ нами подобное же явленіе. Проишшедшее въ крестьяннѣ сознаніе своего человѣческаго достоинства не выдерживаетъ столкновенія съ окружающей его тяжелой дѣйствительностью; загорѣвшійся огонекъ мысли гаснетъ подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго оскорбленія. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ „жителемъ“, избравшимъ самый вѣрный путь для заведенія въ своемъ умѣ „порядка“. Дядя Иванъ, тоже парашкинскій „житель“, отличается необыкновенной жаждой знанія, страстной любовью къ книгѣ. Несмотря на свой зрѣлый возрастъ, онъ ходитъ въ школу, гдѣ стонически переноситъ насмѣшки шаловливыхъ ребятъ, съ дѣтской безпощадностью издѣвавшихся надо всѣми промахами и ошибками своего взрослага товарища. Но школьный учитель былъ плохъ, а вскорѣ, благодаря земству, школа и совсѣмъ закрылась. Такъ и остался Иванъ полуграмотнымъ, умѣя только съ грѣхомъ пополамъ читать по печатному и смотря на искусство писать, какъ на высшую, недостижимую для него мудрость. Тѣмъ на менѣе, страсть „почитаться“ осталась у него въ полной силѣ. Для него не было большаго наслажденія, какъ купить въ городѣ книжку и засѣсть за нее въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время. Бѣда была лишь въ томъ, что онъ далеко не все понималъ въ покупаемыхъ книжкахъ. Иногда попадалось въ нихъ такое словечко, котораго онъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ понять безъ посторонней помощи. Тогда Иванъ шелъ къ писарю Семенчу и за приличное вознагражденіе, въ видѣ шкалика водки, добивался разъясненія мудренаго „словечка“. Правда, толкованія писаря далеко не всегда соответствовали истинному смыслу непонятнаго слова, но безъ его помощи Иванъ обойтись все таки не могъ. Семенчъ былъ самымъ ученымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Современемъ Иванъ сталъ обращаться къ нему не только по поводу „сло-

вечекъ“, но и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ его головѣ шевелились вопросы, неразрѣшенные „стройною“ философiей предковъ. А такіе вопросы все чаще и чаще возникали въ головѣ темнаго читателя. „Откуда вода? Или опять тоже земля?.. Почему? Куда бѣгутъ тучки?“ Мало того, явился даже вопросъ о томъ, „откуда мужикъ?“ Собесѣдованіе Ивана съ Семеничемъ по поводу этого вопроса прекрасно изображено авторомъ.

—Напримѣръ, мужикъ... Дядя Иванъ остано­вился и сосредото­ченно смотрѣлъ на Семенича.

—Мужикъ у насъ счету нѣтъ, возразилъ послѣдній.

—Погоди, Семеничъ... ты, Семеничъ, не сердись... Ну, напримѣръ, я мужикъ, темнота, одно слово—невѣжество... А почему?

„Въ глазахъ дяди Ивана появилось мучительное выраженіе.

„У Семенича даже косушка вылетѣла изъ головы; онъ даже плюнулъ.

—Ну, мужикъ—мужикъ и есть! Ахъ! ты, дурья голова!

—То - то я и думаю: почему?

—Потому, мужикъ, необразованность... Тыфу! дурья голова! съ удивленіемъ плюнулъ Семеничъ, начиная хохотать.

—Стало быть, въ другихъ царствахъ тоже мужикъ?

—Въ другихъ царствахъ -то?

—Ну.

Тамъ мужика не дозволяется...; Тамъ этой самой нечистоты нѣтъ! Тамъ его духу не положено! Тамъ, братъ, чистота, наука.

—Стало быть, мужика...

—Ни-ни.

—Наука?

—Тамъ, то? Да тамъ, надо прямо говорить, ежели ты сунешься съ образиной своей, тамъ на тебя с-с-о-обаки напустятъ! Потому ты звѣрь звѣрмый!“

Какъ ни глупо было вранье Семенича, но въ данномъ случаѣ и его, вѣроятно, было достаточно, чтобы подлить масла въ огонь, толкнувъ на новую работу безпокойную мысль Ивана. Узнавъ, что въ другихъ государствахъ и духу мужицкаго „не положено“, и что это происходитъ оттого, что „тамъ наука“, Иванъ естественно долженъ былъ пойти далѣе и спросить себя,—нельзя-ли и русскому трудящемуся населенію добиться подобной же степени образованія? А отсюда уже недалеко было и до очень радикальныхъ выводовъ. Пишущему эти строки пришлось въ семидесятыхъ годахъ въ Берлинѣ встрѣтиться съ артелью русскихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, работавшихъ на одной изъ сукновальныхъ фабрикъ прусской столицы. Мы помнимъ, какое впечатлѣніе произвело на нихъ знакомство съ заграничными порядками и съ матеріальнымъ положеніемъ нѣмецкихъ рабочихъ. „Нѣтъ страны хуже Россіи!“—воскликали они съ какимъ-то грустнымъ ожесточеніемъ; и охотно соглашались съ нами, когда мы говорили что пора бы русскому крестьянству подняться на своихъ угнетателей. Можетъ быть къ такому же заключенію пришелъ бы и Иванъ, но ему помѣшало въ этомъ одно неожиданное происшествіе.

Съ нѣкоторыхъ поръ голова его стала работать, по выраженію автора, больше чѣмъ руки. Въ его несложномъ хозяйствѣ явились упу­щ-

ніа, за нимъ оказались недоимки. Староста уже нѣсколько разъ напоминалъ ему объ этомъ, но Иванъ продолжалъ возитъсь съ вопросами. Печальная развязка сдѣлалась неизбежной. Въ одинъ изъ прїѣздовъ исправника Ивана позвали въ волость и тамъ розгами напомнили ему объ его гражданскихъ обязанностяхъ. Эта отеческая расправа поразила его какъ громомъ. Возвращаясь домой, „онъ озирался по сторонамъ, боясь кого нибудь встрѣтить,—онъ такъ бы и оцѣпенѣлъ отъ стыда, если бы встрѣтилъ; да, отъ стыда! потому что все, что дали ему чудесныя мысли — это стыдъ, ѣдкій, смертельный стыдъ“.

Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія Иванъ хотѣлъ было утопиться. Онъ даже прибѣжалъ на берегъ рѣки и уже готовился было броситься въ воду, но... его настигъ староста, которому до зарѣзу нужны были люди для починки моста, совершенно не кстати обвалившагося передъ прїѣздомъ исправника. „Гдѣ у тебя совѣсть, дьяволъ ты эдакой, какого лѣшаго ты тутъ проклажаешься!“—закричалъ блюститель деревенскаго порядка. И отъ этого окрика въ Иванѣ, повидимому, дѣйствительно, проснулась „совѣсть“, старая, завѣщанная прародителями совѣсть двуногаго бьючнаго животнаго, осужденнаго на вѣчную каторгу. Онъ безропотно пошелъ на работу.

Но съ тѣхъ поръ у него пропала новая, благопріобрѣтенная, изъ книжекъ почерпнутая совѣсть. „Дядя Иванъ о книжкахъ и чудесныхъ мысляхъ больше не вспоминалъ. Онъ думалъ только о недоимкахъ... книжекъ въ пятакъ онъ не носилъ больше за голенищемъ, онъ зарылъ ихъ въ яму, выкопанную нарочно на огородѣ... Если же на него нападала тоска, то онъ шелъ къ Семеничу и отправлялся вмѣстѣ съ нимъ въ кабачекъ. Черезъ полчаса, много черезъ часъ, оба закадычные выходили оттуда уже готовыми“...

Впослѣдствіи дядя Иванъ принималъ участіе въ извѣстномъ уже намъ бѣгствѣ Парашкинцевъ цѣлымъ „опчисвомъ“.

IX

Въ статьѣ о г. Успенскомъ мы противопоставили изображенному имъ крестьянину Ивану Ермолаевичу рабочаго Михайла Лунина, героя повѣсти г. Каронина „Снизу Вверхъ“. По этому поводу насъ, вмѣстѣ съ г. Каронинимъ, не мало обвиняли въ преувеличеніи. Мы соглашаемся, что сдѣланное нами противопоставленіе было слишкомъ рѣзко. Михайло Лунинъ есть дѣйствительно настоящій антиподъ Ивана Ермолаевича. Одинъ не понимаетъ существованія внѣ земледѣльческаго труда, и мысль его работаетъ лишь тамъ, гдѣ соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и тому подобное. Другой не имѣетъ ни сохи, ни бороны, ни овецъ, ни куръ, ни утокъ, ни коровъ и ничего подобнаго. И онъ не только мало сожалѣетъ объ этомъ, но ему трудно даже понять, какъ могутъ люди выносить тяжелую долю русскаго земледѣльца. Иванъ Ермолаевичъ плохо соображаетъ, зачѣмъ собствен-

но ему нужно учить грамотѣ своего сына Мишутку. Михайло Лунинъ самъ учится „не то что съ энтузіазмомъ, а съ какимъ-то остервенѣніемъ“. Взгляды Ивана Ермолаевича поражаютъ своею „стройностью“. Михайло Лунинъ, какъ и всякій человѣкъ, пережившій періодъ разлада съ окружающею его дѣйствительностію, долженъ былъ пройти черезъ всевозможныя сомнѣнія и недоумѣнія, а слѣдовательно и черезъ связанную съ нимъ путаницу понятій. Иванъ Ермолаевичъ лишь зѣваетъ „сокрушительнѣйшимъ образомъ“, когда „новый человѣкъ“ пытается привить ему „новые взгляды на вещи“. Въ отвѣтъ на всѣ доводы такого человѣка онъ „можетъ сказать только одно: безъ этого нельзя. Но это только имѣетъ за себя вѣковѣчность и прочность самой природы... Въ головѣ Ивана Ермолаевича нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было *вопросовъ*. Михайло Лунинъ буквально осажденъ „вопросами“ и способенъ замучить ими самаго неутомимаго „интеллигента“. Иванъ Ермолаевичъ склоненъ схватить „колебателя основъ“, и, связавъ его, какъ вора, представить кому слѣдуетъ. Михайло Лунинъ самъ не сегодня—завтра примется колебать „основы“. Взоры Ивана Ермолаевича устремлены въ *прошлое*. Онъ живетъ или хотѣлъ бы жить такъ, какъ жили его „прародители“, за исключеніемъ, конечно, крѣпостного права. Михайло Лунинъ съ содроганіемъ и ужасомъ слушаетъ рассказы о жизни „прародителей“ и старается создать себѣ возможность иной, *новой* жизни, обезпечить себѣ иное, лучшее *будущее*. Словомъ, одинъ представляетъ собою старую, крестьянскую, до-петровскую Русь, другой — новую, нарождающуюся, рабочую Россію, ту Россію, въ которой реформа Петра получаетъ, наконецъ, свое крайнее логическое выраженіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала нарождаться эта новая, рабочая Россія,—въ нашей общественной жизни утратили всякое серьезное значеніе цари-*реформаторы*, и, наоборотъ, приобрѣли великое историческое значеніе и твердую, реальную почву дѣятеля совсѣмъ другого рода, направленія и положенія, а именно, *революціонеры* — пропагандисты, агитаторы и организаторы. Прежде нашъ прогрессъ приходилъ (если приходилъ, что дѣлалъ онъ очень рѣдко) къ намъ *сверху* и могъ приходить только *сверху*. Теперь онъ будетъ приходить *снизу*, и не можетъ приходить иначе, какъ только *снизу*. И теперь онъ пойдетъ уже не съ прежней черепашею медленностію.

Повторяемъ, противопоставленіе Лунина Ивану Ермолаевичу было слишкомъ рѣзко. Но мы не могли избѣжать его, не желая оставить нашу мысль недосказанной. Разобранные нами теперь очерки и рассказы г. Каронина даютъ намъ новый матерьялъ для ея поясненія, и если читатель подумаетъ надъ вышеуказанными характерами и сценами то онъ, можетъ быть, и самъ увидитъ, что Михайло Лунинъ представляетъ собою явленіе, вполне естественное и даже неизбѣжное въ современной нашей общественной жизни.

Все зависитъ отъ окружающей обстановки. Иванъ Ермолаевичъ находится подъ властью земли. Землѣ и только землѣ, земледѣльческому труду и только земледѣльческому труду онъ обязанъ своимъ „стройнымъ“ міросозерцаніемъ. Но вотъ на него надвигается „цивилизация“ и, какъ карточные домики, разрушаетъ всѣ его, вѣками уста-

повившіяся, привычки. „Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безошадно разрушается такъ называемой цивилизаціей“,—говоритъ г. Успенскій. „Ея вліяніе отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе, и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки“. Мы видѣли, что не одна только „цивилизация“, но и само государство, правда, подѣ вліяніемъ той же цивилизаціи, сильно способствуетъ разложенію „сплошного“ быта Ивановъ Ермолаевичей. Сообразно тысячамъ различныхъ случайностей, разложеніе принимаетъ различный видъ, создаетъ совершенно различные типы и характеры. Одни изъ нихъ во многомъ, почти во всемъ, похожи на Ивана Ермолаевича, но у нихъ появляются уже новыя черты, Ивану Ермолаевичу несвойственныя. У другихъ черты сходства уравниваются чертами различія. У третьихъ сходства съ Ивановъ Ермолаевичемъ совсѣмъ уже мало. Наконецъ, появляются и такіе характеры, которые, выработавшіяся подѣ вліяніемъ совершенно новой среды, оказываются совершенно на него не похожими, даже противоположными ему. Въ лицѣ Демы мы встрѣтились съ крестьяниномъ, бывшимъ нѣкогда настоящимъ Ивановъ Ермолаевичемъ. Только нужда могла его оторвать отъ земли; но оторвавшись отъ нея, попавши въ новую обстановку, онъ мало по малу начинаетъ питать къ деревнѣ „недоброе чувство“. Въ немъ пробуждаются новыя нравственныя потребности, какихъ онъ не зналъ въ деревнѣ и какія не могутъ найти тамъ удовлетворенія. То же можно сказать о фантазерѣ Минаѣ. Онъ представляетъ собою не болѣе, какъ разовидность Ивана Ермолаевича. Онъ держится за землю обѣими руками и весь полетъ его пламенной фантазіи ограничивается сначала только областью земледѣльческаго труда. Но кулакъ Епишка, своимъ примѣромъ, вноситъ разладъ въ его міросозерцаніе. Минай мечтаетъ на тему о томъ, какъ бы раздѣлаться съ общиной и зажить, подобно Епишкѣ, одинокимъ и ничѣмъ несвязаннымъ. Читатель помнитъ, что мысль о выходѣ изъ общины приходила и самому Ивану Ермолаевичу. Только у него она не окрашивалась завистью къ кулацкому благосостоянію, какъ это было у Миная. Шокпнувъ деревню, впечатлительный Минай, навѣрное, еще болѣе поддастся вліянію „цивилизации“, и хотя не имѣлъ возможности разжиться, но, конечно, міросозерцаніе его еще болѣе потеряло въ своей „стройности“. Плутоватый и дѣятельный Петръ Сизовъ любитъ свою землю, можетъ быть, не меньше Ивана Ермолаевича, но любитъ уже на другой ладъ, такъ, какъ любятъ ее кулаки и вообще люди наживы. Для него земля дорога уже не сама по себѣ, а потому что имѣетъ извѣстную *мъновую* стоимость. „Власть земли“ отходитъ здѣсь на задній планъ, уступая мѣсто *власти капитала*.

Но и Иванъ Ермолаевичъ и Дема и Петръ Сизовъ, и даже фантазеръ Минай, при всемъ сходствѣ или несходствѣ другъ съ другомъ, имѣютъ ту общую черту, что въ ихъ отношеніяхъ къ окружающему,—какъ бы ни было оно для насъ привлекательно или непривлекательно,—нѣтъ ничего болѣзненнаго. Въ разстроенныхъ „деревен-

скихъ нервахъ“ Гаврилы и въ „больномъ жителѣ“ Горѣловѣ ми видимъ иную черту. Разложеніе стараго „сплошнаго“ быта отразилось на нихъ болѣзненно. Пробудившаяся мысль, не довольствуясь старымъ „сплошнымъ“ міросозерцаніемъ, поставила себѣ вопросъ: „зачѣмъ, для чего?“—и не нашла удовлетворительнаго отвѣта, запутавшись въ потемкахъ и противорѣчіяхъ. Но она не могла и помириться со своимъ безсиліемъ, мстя за него отрицательнымъ отношеніемъ ко всему окружающему. И Гаврило и Егоръ Фелорычъ Горѣловъ бѣгутъ изъ деревни, измучившей и разстроившей ихъ до крайности. Деревенская среда не можетъ ввести искомаго „порядка“ въ ихъ головы.

„Вольный человекъ“ Егоръ Панкратовъ ищетъ не столько „порядка“ въ мысляхъ, сколько возможности жить по „закону“, не подчиняясь произволу людей, выше его поставленныхъ. Независимостью своей нравственной личности онъ дорожитъ больше всего на свѣтѣ. Это его конекъ, господствующее стремленіе въ его жизни. Подъ влияніемъ этого стремленія, которому такъ часто противорѣчитъ практика деревенской жизни, онъ дѣлается угрюмымъ, несообщительнымъ и даже жаднымъ. Въ этой оригинальной личности, сосредоточившей всѣ свои силы на огражденіи своего человѣческаго достоинства, также нельзя не видѣть знаменія новаго времени. Представитель сплошнаго быта и сплошнаго міросозерцанія, Иванъ Ермолаевичъ, не имѣлъ никакихъ *исключительныхъ* стремленій; въ его сплошной, уравновѣшенной дѣшѣ для нихъ не было и мѣста. Только съ разрушеніемъ этого стихійно-выросшаго, сплошнаго равновѣсія является возможность развитія *личности*, съ ея особенными вкусами, наклонностями и стремленіями.

„Ученый“ дядя Иванъ еще дальше ушелъ отъ Ивана Ермолаевича. Его, подобно Гаврилѣ и Горѣлову, осаждаютъ различные вопросы, о существованіи которыхъ Иванъ Ермолаевичъ не имѣлъ и понятія. Но его вопросы припимаютъ гораздо болѣе опредѣленное и совершенно реальное направленіе. Онъ идетъ къ ихъ разрѣшенію по вѣрному пути: онъ стучится въ дверь школы, вооружается книгой. „Откуда мужикъ! Почему мужикъ!“ Разъ начали появляться такіе вопросы въ крестьянской головѣ, — можно съ полною увѣренностью сказать, что старому, сплошному, крестьянскому быту пришелъ конецъ. Правда, дядя Иванъ не выдерживаетъ характера, у него опускаются руки, какъ опустились онѣ и у Егора Панкратова. Но это только показываетъ лишній разъ, что современная деревня представляетъ собою среду, крайне не благопріятную для развитія крестьянской мысли. Михайло Лунинъ рано покинулъ деревню и уцѣлѣлъ. Между нимъ и дядей Иваномъ различіе въ судьбѣ, а не въ характерѣ. Попади дядя Иванъ на мѣсто Лунина, — онъ, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ тому же, къ чему пришелъ Лунинъ. Дядя Иванъ относится къ Михайлѣ, какъ человекъ, поставившій себѣ извѣстную цѣль, относится къ человеку, достигшему этой цѣли. Вотъ и все. Дядя Иванъ является антиподомъ Ивана Ермолаевича *въ стремленіи*, Михайло Лунинъ — антиподомъ его *въ дѣйствительности*.

Намъ замѣтять, вѣроятно, что немного рабочихъ попадаетъ въ та-

кія благопріятныя для умственнаго развитія условія, въ какія попалъ Лунинъ. Это вѣрно. Но не въ томъ дѣло. Важно то, что современная русская жизнь, благодаря распаденію сплошнаго быта, создаетъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ въ большемъ числѣ будетъ создавать, такихъ личностей, какъ Егоръ Панкратовъ, дядя Иванъ и Михайло Лунинъ. Важно то, что, какъ ни плохо положеніе русскаго рабочаго, но все таки городская жизнь гораздо болѣе деревенской благопріятна для дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія подобныхъ личностей. Хотите-ли, чтобы она была еще благопріятнѣе? Это въ значительной степени зависитъ отъ васъ. Идите въ рабочую среду и помогите ей разобраться въ *вопросахъ*, поставленныхъ передъ ней самой жизнью. Въ этой средѣ растетъ та новая историческая сила, которая освободитъ современемъ *все* трудящееся населеніе страны.

Плохи люди, сидящіе сложа руки и возлагающіе все свое упованіе на естественный ходъ событій. Это трутни исторіи. Отъ нихъ никому ни жарко ни холодно. Но немногимъ лучше ихъ п тѣ, которые упорно смотрятъ назадъ, не переставая говорить о поступательномъ движеніи народа. Эти люди осуждены на неудачи и разочарованія, потому что они добровольно поворачиваются спиною къ исторіи. Полезнымъ дѣятелемъ можетъ быть только тотъ, кто, не боясь борьбы, умѣетъ направлять свои усилія сообразно съ ходомъ общественнаго развитія.

Русскій народъ не со вчерашняго дня переживаетъ процессъ разложенія старыхъ деревенскихъ порядковъ. Онъ успѣлъ уже весьма значительно измѣниться. А наша демократическая интеллигенція все еще продолжаетъ искать опоры въ старыхъ народныхъ „идеалахъ“. Если она когда нибудь пойметъ свою ошибку, то скажетъ, можетъ быть, какъ говорили губернскому гласному парашкинцы: „съ которыхъ уже это поръ идетъ, а мы все перемогались, все думали, авось Богъ дастъ... Вотъ она слѣпота-то наша какая!“

И подлинно слѣпота! Рваться впередъ, и въ тоже время защищать отжившую свой вѣкъ старину! Желать добра народу, и въ тоже время отстаивать учрежденія, способныя только увѣковѣчить его рабство! Считать мертвое живымъ, а живое мертвымъ! — кто, кромѣ слѣпыхъ, не замѣтитъ бездонной пропасти подобныхъ противорѣчій? Имѣющій очи и пользующійся ими не боится ни историческаго развитія вообще ни торжества капитализма въ частности. Онъ видитъ въ капитализмѣ не одно только зло; онъ замѣчаетъ также его „разрушительную, революціонную сторону, которая низвергнетъ старое общество“. Вотъ почему, наблюдая современное разложеніе всѣхъ допотопныхъ „устоевъ“ русской соціальной и политической жизни, имѣющій очи человекъ съ облегченнымъ сердцемъ воскликнетъ: *просиай, старая Обломовка, ты сдѣлала свое дѣло!*

Г. Плехановъ.